

ОЛЬГА
БЕЛОЗУБОВА

РАЗВОД
ИГРА БЕЗ
ПРАВИЛ

Ольга Белозубова

Развод. Игра без правил

<https://litres.ru/74212587>

Аннотация

— Я подаю на развод, — заявляю мужу, узнав об его изменах. — Даже не думай. Я тебе его не дам. — Мне твое согласие и не нужно. Законы и правила для всех одни! — Вот как? Правила, говоришь? — ухмыляется муж, хватая меня за подбородок и цедит прямо в мои губы: — Какая глупая наивность. Скоро ты поймешь, насколько сильно ошибаешься. *** Как женщины узнают об измене мужа? Мне вот рассказал сам муж. Ну, как мне. Он ошибся чатом и отправил мне голосовое сообщение, которое я никогда не должна была получить. Но я получила. И кроме факта измен, услышала кое-что еще...

В тексте есть: #властный герой; #очень эмоционально; #интриги и тайны. ХЭ

Содержание

Глава 1. Не тот чат	4
Глава 2. Я поняла	12
Глава 3. Разнообразие	17
Глава 4. Преступление и наказание	24
Глава 5. Шок	30
Глава 6. (Не) виновата	38
Глава 7. Доказательства (?)	45
Глава 8. Сюрприз	52
Глава 9. Что ему нужно?..	61
Глава 10. (Не)везение	71
Глава 11. Вопрос на засыпку	80
Глава 12. Как его зовут?	89
Глава 13. Поможет или нет?	94
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Глава 1. Не тот чат

Маша

— Блин! — вскрикиваю я, а следом смотрю, как вниз со стола летит солонка, разбивается вдребезги со звоном.

Белоснежные крупинки рассыпаются по полу.

— Плохая примета, — шепчу, поджимая губы.

Тут же себя успокаиваю: приметы сбываются, только если в них верить. Я вот не верю. Значит, все будет хо-ро-шо.

Сметаю осколки и соль, смотрю на часы: пора ставить мясо в духовку.

«На самом деле мы все хотим только одного. Внимания», — льется из динамика телефона женский голос.

Это я смотрю, точнее, слушаю обучающее видео по маркетингу, пока хлопочу на кухне.

Ну не знаю. Внимание, конечно, важная вещь, но с такой формулировкой я бы точно поспорила.

Хотя... Муж сегодня перед уходом на работу так и сказал: «Удели гостям достаточно внимания, ничего не упusti. Я уже объяснял, как важно, чтобы встреча прошла на высшем уровне».

Сегодня особенный вечер: к нам приедет семейная пара, которая должна остаться максимально довольной и ужином, и самим вечером. Мужу нужно заключить сделку, поэтому он хочет побеседовать в непринужденной обстановке.

Вот я и стараюсь помочь чем могу — очень хочется поддержать Германа. Он у меня владелец большой строительной компании.

К тому же я уже поднаторела в организации таких ужинов, так что даже практически не нервничаю.

Я как-то спросила Геру, почему просто не заказать доставку из ресторана.

«Даже не сравнивай. В такой еде нет души, Маш. Я не хочу кормить гостей не пойми чем».

В этот момент звук обучающего видео прерывается на секунду из-за входящего сообщения, и я сразу хватаю телефон. Вдруг Гера.

И точно. Голосовое сообщение. Я улыбаюсь. Знаю, кто-то не переносит голосовые на дух, а я вот не жалуюсь, тем более когда они от горячо любимого мужа.

Ставлю на паузу видео, захожу в мессенджер и жму на play.

«Слушай, Стас, ну ты же понимаешь, это как с машинами. Когда ты покупаешь себе какую-нибудь иномарку, поначалу она тебе очень нравится. Ловишь кайф, тебя все устраивает. Но ты изначально знаешь, что она не навсегда, и ты ее обязательно заменишь на другую. Ну вот, с Аленой у меня так же. Пришло время дать ей отставку. Она как-то некстати начала качать права. Надо было сделать это раньше, как с другими. А Маша... Ну, что Маша? Маша — это мерс. Мерсы не меняют. Тем более ты не хуже меня знаешь, почему я на

ней женился».

Сообщение заканчивается, и на кухне воцаряется оглушительная, звенящая тишина. Я все продолжаю до боли стискивать телефон пальцами, чувствуя, как начинают дрожать губы.

Это что такое было вообще? В голове полная каша, отдельные слова вспыхивают в памяти яркими вспышками.

Гера упомянул Стаса, своего самого близкого друга. Это что, мой муж, обычно очень внимательный к деталям, ошибся чатом? Или это какая-то глупая, неудачная шутка? Жаль, до первого апреля далеко, да и ноток юмора в голосе мужа я не заметила.

Неизбежное осознание обрушивается на меня стотонной плитой, давит к полу, мешает дышать полной грудью. Герман мне изменяет. Я упрямо мотаю головой из стороны в сторону, ноги подкашиваются, и я бухаюсь на стул. Не может быть. Я не верю.

«Как с *другими*», — вспоминаю его слова. Значит, он изменил мне не один раз, и даже не два?

О-о-о...

«Маша — мерс», — царапает сознание очередная фраза мужа. Ну какой из меня мерс? Нет, внешность у меня яркая, это я знаю, да и Гера постоянно осыпает комплиментами. Но ни денег, ни статуса, ни престижа, как у мужа, у меня нет. И не было никогда.

Когда я выходила замуж, у меня из приданого была только

я. Так что о каком мерсе речь? Или это он о том, что любовниц может быть сколько угодно, а жена одна?

«Ты не хуже меня знаешь, почему я на ней женился».

Эта фраза кажется важной, хоть и не могу понять отчего. Как будто Герман вложил в нее какой-то сакральный смысл. Вот только какой?

Не знаю зачем, наверное, из чистого мазохизма, а может, из глупой, слепой надежды, что все не так поняла, хочу переслушать голосовое еще раз. Смотрю на экран через застилающие глаза слезы, старательно моргаю и...

Никакого голосового уже нет! Правда, из мессенджера, в котором мы с Герой переписываемся, нельзя удалить сообщение с концами, останется надпись, что оно удалено. Эту надпись я и наблюдаю.

Резко осознаю кое-что еще. Муж тоже видел, что я получила и прослушала его запись.

Я громко сглатываю и таращусь на экран, хлопая мокрыми ресницами.

И вздрагиваю от входящего звонка.

Герман.

Я тупо смотрю на экран, никак не могу заставить себя ответить.

Мелодия умолкает, а затем раздается снова.

На этот раз мне удастся себя пересилить, и я глухо хриплю в трубку:

— Да.

— Маш, ты...

— Я слышала, — перебиваю мужа. — Я все теперь знаю.

— Я буду через пару минут, поговорим, — коротко бросает муж и отключается.

Поговорить он со мной собрался... Ну, давай поговорим, милый.

Я вскакиваю с места и начинаю носиться по кухне туда-сюда. Нечаянно задеваю ногой осколок солонки, который улетел слишком далеко, и я его не заметила.

Внезапно меня пробивает на истерический смех. Вот вам и приметы.

Кому-то из жен пишут любовницы, кто-то застаёт неверного мужа на другой или находит чужие вещи, а я... узнала об изменах только потому, что он ошибся чатом. Охренеть не встать.

И вдруг я замираю, как вкопанная.

Алена. Это про какую такую Алену говорил мой дражайший супруг?

Лично я знаю только одну Аленку, которая мне как сестра. Я знаю её практически с пеленок — мы жили в соседних квартирах все детство и юность, и ближе неё у меня никого нет. Особенно с тех пор, как умерла мама.

Нет, она бы точно так со мной не поступила. Мы никогда не ссорились с ней из-за парней. Во-первых, у нас разные вкусы, а во-вторых, Алена как-то раз озвучила и мои мысли: «Твои парни для меня как... ну, тумбочка, например. Или

стол. Я не воспринимаю их как мужчин».

Да, с Герой они общаются вежливо, поздравляют друг друга с праздниками, но на этом все.

Нет, это он точно не про нее... Не про нее ведь?

Додумать эту мысль не успеваю, потому что дверь на кухню открывается, и внутрь влетает Герман. Кухня сразу кажется меньше на фоне его внушительных плеч. Темные волосы взъерошены, карие глаза горят огнем.

— Маша, ты все не так поняла!

Я ждала чего угодно, но не этой банальной, набившей оскомину фразы, которую мужчины используют почти во всех сериалах и книгах.

Хотя в этот момент мне очень хочется ему поверить. Хочется, чтобы он меня успокоил, прижал к себе, сказал, как любит. Что я все надумала. Или чтобы вообще не было того сообщения. Чтобы это мне просто приснилось.

Но не приснилось. И сообщение было. И это все меняет.

— Арбатов, ты серьезно?

Муж кивает с совершенно серьезным выражением лица.

— Что из твоего голосового можно было понять не так?

— Все. Смотрю, ты уже успела себя накрутить, да? Маш, ну ты чего? Я говорил про сотрудницу. Считал, она бойкая и инициативная, а она начала требовать преференций почти сразу, как только я ее повысил.

— И какая фамилия у этой сотрудницы?

— Ну... э-э-э... Смирницкая.

По задержке с ответом я сразу понимаю — лжет.

— Так я что, для тебя тоже сотрудница? — усмехаюсь нервно. — Мерс, да? И что ты вообще имел в виду, когда сказал, что Стас в курсе, почему ты на мне женился? Ответь, почему? Мне очень интересно!

Муж делает шаг ко мне, но я машинально пчусь до тех пор, пока не упираюсь в столешницу.

— Я тебя люблю, разве не очевидно? С первого взгляда влюбился. Потому и женился. И Стасу об этом прекрасно известно.

Я смотрю на мужа и... не верю ему. Слишком сладко и приторно сейчас звучат его слова. Тем более он ни разу не упоминал, что влюбился в меня с первого взгляда, а тут такое признание. С чего вдруг?

— Гера, я на это не поведусь. Мы оба знаем, что ты врешь. — Губы начинают дрожать, но я все-таки задаю вопрос, что крутится на языке: — Сколько их у тебя было, а? Таких вот иномарок-Ален?

Муж резко меняется в лице, и его миролюбивый тон сходит на нет.

Он прищуривается и выпаливает:

— Значит, не хочешь по-хорошему?

— Это как это по-хорошему? — выпадаю в осадок я. Меня начинает трясти. — Сделать вид, что ничего не было, что ли?

— Именно.

— Ты в своем уме? Как ты себе это представляешь?

— А как другие жены это делают? Так и ты.

— Другие? — глухо повторяю за мужем. — Мне нет дела до других, Гера! У нас своя семья. Была...

— Что значит была? — голос Германа вибрирует гневом.

— То и значит! Я подаю на развод! — в запале кричу мужу.

— Даже не думай, — повышает тон тот. — Я тебе его не дам.

— Мне твое согласие и не нужно. Законы и правила для всех одни!

— Вот как? Правила, говоришь? — ухмыляется Герман, подлетает ко мне и хватает за подбородок. В бешенстве цедит прямо в мои губы: — Какая глупая наивность. Ты очень быстро поймешь, насколько сильно ошибаешься. Проверять не советую.

В его голосе столько угрозы, что я чувствую, как с лица сходят все краски, а по позвоночнику бегут холодные мурашки. Муж до этого никогда, ни единого раза не разговаривал со мной таким тоном.

— Молчишь? Так-то лучше. Принять новую реальность — лучший выбор для тебя. Тем более у нас все как раньше. Мы поговорим об этом позже, если ты так хочешь. А пока... Давай переставай истерить, вытирай слезы и продолжай готовить ужин для наших гостей. Чтобы встретила их так, как и подобает моей жене. Ясно?

Глава 2. Я поняла

Маша

Я расширенными от ужаса глазами таращусь на мужа.

— О какой новой реальности ты говоришь? — хриплю надсадно, мотая головой. — Если считаешь, что я закрою глаза на твои измены, то не закрою! И у нас точно все не как раньше.

Герман гневно прищуривается.

— Я ведь уже сказал, мы обсудим это позже. — Кивает на мясо в форме для запекания, что так и стоит на столе. — Давай, вперед.

— Ты правда считаешь, что мне сейчас до ужина? — Мой голос дрожит.

— Мы все иногда делаем что-то только из чувства долга, Маша. Это и называется взрослая жизнь, — усмехается муж, и я ловлю себя на неудержимом желании стереть эту гадкую ухмылочку с его лица.

Интересно, изменяет он мне тоже из чувства долга?

Я знаю, мужчины смотрят на измены совсем не так, как женщины, но меня до глубины души, до сжимающей внутренности боли поражает то, как спокойно он об этом говорит. Как будто ничего такого в этом нет.

А меня начинает тошнить и передергивает, как только представляю, что вот этими самыми руками и губами он лас-

кал очередную любовницу, а потом сразу приходил и обнимал и целовал меня... И ведь не только меня — Лику, нашу двухлетнюю дочку, тоже.

Хорошо хоть, ее сейчас нет дома: она с ночевкой у свекрови, Светланы Владимировны. Она всегда забирает ее к себе, если Герман ждет важных гостей на ужин.

Как, ну как Герман не понимает, что растить дочь с ним я больше не смогу! Конечно, она еще слишком мала, чтобы понять, что случилось, но какой пример ей сможет подавать подавленная несчастная мать, которая мирится с постоянными изменами?

— Гера, я не смогу тебя простить, — шепчу глухо.

— А ты постарайся! — рывкает Герман, и я вздрагиваю от его грубого тона.

— Постарайся? — повторяю эхом, смотрю на мужа и понимаю: он это вполне серьезно.

— К тому же куда ты пойдешь? — вкрадчиво интересуется Гера, изгибая уголок губ в усмешке. — На что будешь жить? Если мне не изменяет память, а она мне не изменяет, идти тебе некуда. Работы и своих денег у тебя тоже нет.

Ну разумеется, у меня нет работы и собственных денег, потому что я в декрете с ребенком. И пойти я могу разве что к Алене. Если это не она... Глаза снова наливаются слезами, стоит только подумать, что меня предал не только муж, но и подруга.

— Надеюсь, тебе хватит мозгов верно оценить ситуацию.

Ну что ты так на меня смотришь, как побитый олененок? Хорош реветь!

Однако слезы все продолжают катиться по щекам, и я шмыгаю носом, болезненно морщась.

— Вот тебе еще повод принять единственно верное решение: я не отдам тебе дочь, так и знай. Если уйдешь, уйдешь одна. Я не разрешу тебе с ней даже видеться, — безжалостно продолжает добивать меня Герман.

Сердце тут же ухает вниз, и внутренности стягивает тугим узлом. Дыхание сбивается, и я в полном шоке смотрю на мужа. Он ведь знает, как я люблю Лику. Больше всего на свете. И никогда, ни за что ее не брошу.

— Ты не посмеешь! — сиплю ошеломленно.

— Еще как посмею, — многообещающе прищуривается Герман. — Я могу прямо сейчас позвонить, дочь заберут у моей матери и увезут туда, где ты ее никогда не найдешь. Ну, что скажешь? Все поняла или еще добавить?

Внутри все леденеет от озвученной им перспективы. Его вид прямо кричит о том, что он действительно это сделает — заберет у меня мою Лику.

— Я все поняла... — киваю, с трудом глотая возникший в горле ком гигантских размеров.

— Точно поняла?

— Точно, — еле выдавливаю. Тело пробивает озноб, а к горлу снова подступает тошнота: так тяжело мне дается этот ответ.

— Умница. — Герман наклоняется ко мне и проводит большим пальцем по губам. Мне дорогого стоит выдержать это прикосновение. Прикосновение, которое я так любила раньше. — Все, действуй. И приведи себя в порядок, выглядишь как пугало.

Муж выходит из кухни, а я хватаю со стола голубую тарелку и швыряю ему в след. Она бьется об уже закрытую дверь, не достигая адресата.

Что-то многовато на сегодня осколков... Солонка, тарелка, мое сердце...

Обнимаю себя за плечи, пытаюсь унять слезы и дрожь, бегущую по всему телу, но ничего у меня не выходит. Снова всхлипывая, злобно пихаю ни в чем не повинное мясо в духовку и выпрямляюсь, прищуриваясь и поджимая губы.

На место отчаянию и разъедающей душу боли приходит мрачная решимость.

Муж прав: если он изменяет мне с Аленой, идти мне, тем более с дочкой, некуда и не на что. Есть крестная, но она живет в деревне, а сейчас я даже позвонить ей и то не могу — она лежит в больнице после тяжелой операции. Помочь ничем не сможет, разнервничается, и все.

А еще... я не врала Гере. Я поняла.

Точно поняла, что все равно заберу Лику и уйду. Вот только придется действовать скрытно и подготовить почву: найти жилье, работу, отложить денег на первое время и на адвоката — лучшего, которого смогу найти.

Значит, на какое-то время придется стиснуть зубы и играть роль жены.

Боже, дай мне сил.

А пока... Ты хотел ужин, дорогой? Ты его получишь.

Глава 3. Разнообразие

Маша

К приходу гостей я еле-еле успеваю закончить все запланированное, и, когда раздается звонок в дверь, как раз рассматриваю лицо в зеркале ванной комнаты.

Вид у меня, конечно, так себе, но патчи под глаза, а затем консилер и пудра практически полностью спасли положение.

— Ты где? — слышу громогласный голос Германа из коридора. — Давай скорее.

И если раньше я бы радостно полетела к нему, чтобы вдвоем встретить гостей, как обычно, то теперь делаю каждый шаг через силу.

Когда подхожу ближе, муж проходится взглядом по мне и приталенному платью пудрового цвета.

— Все успела?

— Да, — киваю.

Старательно сдерживаю ехидную улыбку. Ужин выйдет что надо.

Через минуту Стояновы проходят внутрь, и муж приобретает меня за талию.

Я за малым не дергаюсь, чувствуя, как жжет то место, которого он касается. Приходится терпеть.

Гера говорил, что Стояновы в браке почти двадцать лет, но Игорь Валерьевич, высокий брюнет лет сорока с неболь-

шим, до сих пор смотрит на стройную жену-шатенку так, словно она — самое важное в мире сокровище и они только что поженились.

И Елена Александровна отвечает ему ровно таким же взглядом.

Значит, можно пронести любовь через года, не растерять то, что было изначально?

Жаль, это не про меня и мужа. Моего Германа хватило ненадолго. Я мельком смотрю на него и гадаю: и правда, насколько его хватило? Когда он начал мне изменять? Через год? Два? Когда я забеременела? Или сразу?

Душу раздирает обида. Он ведь сам говорил, что любит во мне все — начиная с волос и заканчивая пальцами на ногах. Врал?

Когда с приветствиями покончено, мы приглашаем гостей в столовую.

Когда все садятся, Елена Александровна отмечает:

— Мария, вы отличная хозяйка, столько блюд!

— О, — отзываюсь я, — просто Герман очень любит разнообразие.

Поворачиваюсь к мужу и мило улыбаюсь:

— Да, дорогой?

Герман полосует меня недовольным взглядом, напрягается, но мгновенно берет себя в руки и улыбается в ответ.

— Что я поделаю? — отшучивается. — Ты готовишь так вкусно, что я готов есть все, что ты предложишь.

О, я и предложу. Так предложу...

Впрочем, не сразу. Для начала надо, чтобы муж перестал ждать от меня очередного подвоха.

Беседа течет своим чередом, и Герман действительно потихоньку становится все более расслабленным. Перестает подозрительно на меня поглядывать, смакует салат. Его любимый, между прочим. Чтоб у него несварение случилось!

А затем приходит время первого сюрприза.

Я раскладываю мясо гостям, затем мужу и себе.

Игорь Валерьевич отправляет кусок в рот и довольно жу-ет. То же самое делает и его жена.

— Мария, не поделитесь рецептом мяса? — спрашивает Елена Александровна.

— Поделюсь, конечно, — киваю.

На самом деле это семейный рецепт, меня научила мама. Ему и много чему еще.

В этот момент Герман вдруг выпрямляет спину и перестает жевать свое мясо, откладывает вилку в сторону. Его лицо краснеет и вытягивается. Да что там лицо, краснеет даже шея и уши, а глаза едва не лезут на лоб. Он закашливается — громко, продолжительно.

Молниеносно хватает со стола стакан воды и оглушает его одним залпом.

— Прошу прощения, поперхнулся, — извиняется перед гостями.

С прищуром смотрит на меня. По лицу мужа вижу, он га-

дает: как так вышло? Почему остальные не жалуются?

Я в ответ лишь недоуменно хлопаю ресницами. Мол, что такое, не понимаю?

На самом деле прекрасно понимаю. В его куске мяса столько ядрено-жгучего перца чили, что хватило бы и на десятерых. И это при том, что Герман вообще не ест острое.

А вот у остальных мясо как мясо. Ну в самом деле, хозяйке ничего не стоит пометить нужный кусок, чтобы не спутать его с другим. Так я и сделала.

К мясу муж больше не притрагивается, начинает потихоньку подводить Игоря Валерьевича к нужной ему теме.

Когда я вижу, что Герман окончательно отошел от перца чили, предлагаю гостям грибной суп-пюре.

Выношу из кухни супницу, ставлю ее на комод позади стола, разливаю ароматное содержимое по тарелкам и разношу гостям и мужу.

Герман косится на меня. В конце концов, видимо, решает, что супница общая, и ему ничего не грозит.

Однако он все равно аккуратно перемешивает содержимое. Ехидно хихикаю про себя. Это он зря. Между тем муж старается незаметно для гостей приглядеться к содержимому, но ничего такого там не замечает.

Что ж, перца там и правда нет. Я не повторяюсь.

Муж отправляет в рот ложку с супом, глотает и... не удерживается, кривит лицо.

Оценил. Отлично.

Смотрю на Геру с деланым участием. Что такое? Не любишь приторно сладкий грибной суп? Эх, а я так старалась, столько жидкого заменителя сахара бахнула...

Опять же, несложно это проверить, стоя спиной к столу. Герман сидит злющий, как сто чертей, но поделаться ничего не может. Концерт устраивать не станет. Ему хватает ума понять, что выставит себя полным идиотом, ведь остальные едят суп не морщась.

В его взгляде прямо читаются два вопроса: «Как?» и «Ты совсем охренела?»

А ведь это еще не все.

Когда вечер подходит к концу, а Герман и Игорь Валерьевич приходят к согласию, приходит время чая и десерта.

Сегодня это чизкейк «Нью-Йорк». Я уже поделила его на порции, и когда выношу в столовую, муж неотрывно следит и за самим блюдом, и за моими руками.

Я кладу по кусочку гостям, приподнимаю следующий, чтобы положить дражайшему супругу, как вдруг он говорит:

— Можно мне другой, пожалуйста? — Добавляет, чтобы гости ничего не поняли: — Побольше. Очень уж люблю твои торты.

В этот момент мне еле удастся сдержаться, чтобы не расплыться в довольной улыбке.

Да, как оказалось, у мужа от меня много тайн, но несколько лет совместной жизни дают о себе знать.

Я рассчитывала, что после мяса и супа он так и поступит.

Именно поэтому сейчас держу на весу нормальный кусок. С сюрпризом — следующий.

Я понимала, что иду на риск, и, если бы я ошиблась, испорченный кусок достался бы мне. Но все прошло как по нотам.

— Конечно, милый.

Я кладу обычный чизкейк себе, а ему достается тот самый кусок, с сюрпризом.

На этот раз там соль. Много соли. Нет, не так — очень много соли.

Затаив дыхание, смотрю, как муж отправляет десерт в рот.

И ловит на себе взгляд Елены Александровны.

— Очень вкусно, правда? — интересуется она.

— П-правда, — старательно жует Герман, и я вижу, как тяжело ему дается держать лицо.

Ничего не могу с собой поделать — расплываюсь в улыбке.

Нет, ну а что. Ты ведь за разнообразие, дорогой? Вот тебе разнообразие.

Знаю, после ужина муж устроит мне разборки, но сейчас испытываю злорадное удовлетворение. Да, может, по-детски, но я хоть немного отвела душу, и это того стоило.

Гера смотрит на меня так, словно видит в первый раз. И теперь в его взгляде не только злость, но и удивление.

Похоже, не ожидал от меня такого «ужина». Совсем не ожидал.

Впрочем, раньше мне бы это и в голову не пришло — было незачем.

А теперь... Раненая женщина, загнанная в угол, способна на многое. И этот ужин — лишь начало.

И ты, Гера, скоро в этом убедишься.

Глава 4. Преступление и наказание

Маша

Между тем вечер продолжается, но я пропускаю мимо ушей все, что говорят гости.

Всматриваюсь в каменное лицо Германа и гадаю: когда наши отношения свернули не туда? Когда все изменилось, а я не заметила?

И этот его взгляд — резкий, колкий. Он разительно отличается от того, каким он смотрел на меня еще вчера. И в начале отношений. И когда я забеременела.

Это случилось до свадьбы, и я до сих пор помню, как на ватных ногах шла к Гере, чтобы сообщить эту новость. Боялась, как воспримет, ведь на тот момент мы встречались недолго и не успели обсудить вопрос детей. К тому же предохранялись.

В общем, я призналась ему дрожащими губами, комкая пальцами край платья. Оцепенела в ожидании ответа, а он так обрадовался! Разулыбался, закружил в воздухе, сказал, что это лучшая новость, которую я могла ему сообщить.

Всю беременность носил на руках, ухаживал и берег так, словно я хрупкая статуэтка, самое ценное сокровище в мире. Легко сам срывался посреди ночи, если мне хотелось какой-нибудь малосовместимой пищи, вроде сочника с творогом и селедки.

Это не изменилось и после беременности. Мы все так же проводим время вместе, часто разговариваем, обсуждаем будущее, смотрим фильмы вечерами, гуляем, ездим отдыхать. В общем, делаем все то, что делает обычная семейная пара.

И дочь для него — любимая принцесса. Он постоянно балует ее, покупает любую игрушку, стоит дочери ткнуть в нее пальцем. Лишь смеется, когда я жалуясь, что их уже некуда складывать: «Ничего не могу с собой поделать. Лица вырастет той еще сердцеедкой. Вон, как мастерски вьет из меня веревки!»

Как, ну как в Германе могут сочетаться любящий муж и отец и беспринципный изменщик?

Боль и отчаяние снова накатывают волной, смешиваются со злостью, и этот коктейль бежит по венам, раздирая душу на части. Я отворачиваюсь, чтобы муж не увидел моих эмоций — наверняка у меня сейчас все написано на лице.

Под конец мучительно долгого вечера я уже вся как на иголках. Когда ужин наконец-то заканчивается, а за гостями закрывается дверь, я немного выдыхаю. Только сейчас понимаю, что все это время была натянута, как струна.

Впрочем, выдыхаю ненадолго.

Я поворачиваюсь к мужу спиной и бросаю через плечо:
— Пойду убирать со стола.

Только делаю шаг вперед, как Герман оглушительно рычит:

— Стоять!

Хватает меня за руку, резко разворачивает к себе и сканирует бешеным взглядом. У него аж ноздри раздуваются от злости.

Я подозревала, что мои кулинарные способности производят на мужа ошеломительный эффект, но его реакция превзошла мои самые смелые ожидания.

— Ты что творишь? — гремит он обвинительно, нависает надо мной грозовой тучей. — Я ведь говорил, как важно, чтобы встреча прошла нормально. Говорил?!

— Что не так? Гостям все понравилось, они остались довольны. Договор тоже, считай, у тебя в кармане. Что тебе не нравится?

— Что не нравится? Тебя спасло только то, что ты испортила только мою еду! Иначе... Как тебе вообще пришла в голову такая дичь, Маша? Или скажешь, ты это не нарочно?

— Не скажу, — прищуриваюсь, скрещивая руки на груди. Кидаю с притворной обидой: — И вообще, я старалась, а ты все оставил в тарелке.

Подмечаю, как у Германа начинает дергаться левый уголок губ.

— Да это ведь невозможно проглотить!

— Вот именно, Гера! Ты и сотой части не съел, зато от меня требуешь молча проглотить все твои измены!

— Это другое, — тут же хмыкает муж.

— Ну разумеется, — подмечаю саркастично. Другого ответа я и не ждала.

Ему можно, а мне нет. Мужская измена ничего не значит, а женская меняет все. И так далее и тому подобное.

— Все, хватит с меня. Смотрю, по-хорошему ты не понимаешь. Пойдем, — цапает меня за руку он и тащит по коридору к лестнице, а затем наверх.

— Мне больно! — морщусь я.

Герман мгновенно ослабляет хватку, но не отпускает, и вырваться все равно не получается. Когда мы доходим до нашей спальни, он подталкивает меня внутрь и тут же закрывает за мной дверь.

Слышу, как в этот момент в замке проворачивается ключ. Он что, меня закрыл?!

Дергаю ручку, и точно. Где вообще взял ключ? Вспоминаю, как Гера выходил в уборную. Наверняка задумал это еще тогда... Вот скотина!

— Гера, ты чего? — округляю глаза, ору: — Открой дверь немедленно!

— Ори сколько влезет. Сама знаешь, никто не услышит.

— Выпусти меня! — снова кричу.

В панике колочу кулаком по двери, но тщетно.

— Ты не сможешь держать меня взаперти вечно!

— Вот и проверим, — раздается из-за двери жесткий голос мужа.

Я в панике обвожу комнату взглядом в поисках того, что может послужить отмычкой. Ничего подходящего не нахожу, зато натыкаюсь взглядом на часы. Начало десятого. Ско-

ро будет звонить Светлана Владимировна, чтобы я пожелала дочери спокойной ночи.

Вот только мой телефон остался внизу.

— Гера, я хочу поговорить с Ликой! Открой дверь.

— Я сам пообщаюсь с дочкой.

— Но как же я? — обомлеваю. Он не может так поступить! Не может, и все тут.

Однако муж бессердечно меня добивает:

— Ты реально думала, что я спущу тебе эту тупую выходку с рук? Посиди одна и хорошенько подумай о своем поведении. Я приду утром, тогда и поговорим.

Я слышу шаги мужа в коридоре, а затем стихают и они. Я остаюсь одна, в полной тишине. Слышу лишь, как лихорадочно стучит сердце.

Глаза наливаются слезами, и я стекаю по двери вниз, на пол, подтягиваю к себе колени и закрываю лицо руками. Выпускаю на волю все эмоции, которые держала в себе весь вечер.

Гад! Предатель и сволочь! Ненавижу!

Сажу так, пока плечи не перестают подрагивать от рыданий. Потом вскакиваю и подлетаю к окну, открываю его. Нет, прыгать не вариант. Внизу кусты роз, которые подвязаны к длинным прутьям. Этак я рискую напороться на один из них.

Может, соорудить веревку из постельного белья?

Нет. Не выгорит. На выходе стоит охрана, и Герман наверняка уже приказал не выпускать меня из дома. К тому же он

четко дал понять: уйду одна, без дочери. Если сбегу сейчас, он точно ее спрячет.

Снова пытаюсь докричаться до Геры, тарабаню по двери что есть сил. Кричу, пока не начинаю хрипеть. Без толку.

Тогда бухаюсь на кровать и обвожу комнату обреченным взглядом. Я так люблю здесь каждую мелочь... Но мне и в голову не могло прийти, что эта спальня однажды станет моей тюрьмой.

Неужели мне и правда придется сидеть тут до утра? Похоже, что так.

Голову бомбардируют столько разрозненных мыслей, что она начинает трещать.

Я хожу из угла в угол, как запертый в клетку озлобленный раненый зверь, снова пытаюсь докричаться до Германа. Безуспешно.

В конце концов усталость берет свое, и я ложусь на кровать. Как есть, в одежде. Готовая вскочить в любой момент.

Так и ворочаюсь без сна, прокручивая различные варианты предстоящего разговора с мужем. Однако все они оказываются далеки от того, что на самом деле происходит утром.

Глава 5. Шок

Маша

Я просыпаюсь от скрипа открывающейся двери и тяжелой поступи.

Распахиваю веки, а передо мной — муж с подносом в руках.

Я приподнимаюсь на кровати и кошусь на поднос. Там исходит паром кружка кофе, на тарелке лежит пара аппетитных круассанов, а на второй — нарезка из фруктов.

— Доброе утро, соня, — улыбается во все тридцать два зуба Герман, кивает на поднос, приземляя его на прикроватную тумбочку: — Завтрак в постель.

И такой у него обволакивающий, вибрирующий голос, что я непроизвольно улыбаюсь в ответ. Обычно такие завтраки ему приношу в постель я, но он и сам частенько меня балует.

Муж присаживается на кровать, кладет ладонь мне на лодыжку, ведет вверх плавным нежным движением, и я облегченно выдыхаю.

— Доброе утро. Мне тут такой сон снился, — качаю головой и подергиваю плечами, — как будто ты...

...мне изменял, а потом запер в комнате, пригрозив забрать дочь, если решу уйти. Но эти слова так и застревают в горле. Нет, я даже произносить вслух такое не хочу.

Слава богу, это всего лишь сон. Жуткий кошмар. У нас

все по-прежнему. Муж меня любит и, разумеется, не изменяет. Вон, даже завтрак в постель принес.

В этот момент мой взгляд падает вниз. На платье, в котором я и уснула. А затем — на рамки с фотографиями, что валяются на полу. Это сделала я — смахнула на пол все, что стояло на комоде, когда в бешенстве носилась по комнате.

А еще уже под утро разрезала ножницами несколько костюмов Германа в гардеробной, свалив их в одну кучу. Да, пришлось попыхтеть, ножницы-то маленькие, маникюрные. Однако я все равно сидела на полу, с остервенением кромсала дорожные костюмы, рыдая и представляя на их месте дражайшего супруга и его причинное место. В тот момент мне было так больно, так обидно, что стало решительно плевать, как он отреагирует.

Будь он в тот момент в комнате, точно бы не удержалась, кинулась с ножницами к нему и воткнула пониже пояса.

Я мысленно стону. Значит, мне ничего не приснилось.

Тогда какого хрена Гера явился с завтраком и такой улыбочкой, словно ничего и не было?

Я тут же выпрямляю спину, подтягивая одеяло чуть ли не до подбородка. Вжимаюсь в спинку кровати и широко раскрытыми от ужаса глазами смотрю на мужа.

— Мне не приснилось! — озвучиваю очевидное.

— Маша... — начинает Герман.

— Что ты здесь делаешь? Ты запер меня, как нашкодившего ребенка! Забыл?

— Я все помню, — понижает тон муж.

— Тогда уходи! — тыкаю дрожащим пальцем в дверь. — И завтрак свой забирай!

— Я хочу поговорить, — терпеливо продолжает Герман. — Маш, прости меня, пожалуйста.

Я в полном шоке хлопаю ресницами. Мне что, послышалось? Это что за переход от клыкастого беспощадного зверя до милого ручного тигра?

Мотаю головой с такой силой, что в ушах начинает звенеть.

— Малыш, да послушай же, — хватает меня за ладонь муж, тянет к себе и успевает прижать к губам, прежде чем мне удастся ее вырвать. — Я знаю, виноват. Сильно виноват. Все понимаю. Но я вчера как услышал, что ты хочешь уйти, так меня и понесло...

— Понесло? Просто понесло? — срываюсь на крик я, гневно щурюсь. — Иди ты знаешь куда?!

«Понесло» — вот как он воспринимает свои угрозы и приказ молча глотать его измены и вести себя ниже травы, тише воды?

Пока я пытаюсь переварить его тираду, Герман протягивает руку к моему лицу, и я машинально отшатываюсь с круглыми глазами.

— Маш, ты чего? — недоумевает Герман, и его лицо вытягивается, когда до него доходит, почему я отпрянула. Он мрачнеет. — Ты что, решила, я тебя ударю? Ты чего? Я бы

ни за что...

— Что-то ты не думал об этом, пока тащил меня наверх и пихал в спальню, — шиплю змеей.

Да, до этого я действительно никогда не видела своего мужа таким. Он всегда защищал меня, оберегал. До вчерашнего вечера.

Теперь все по-другому. Я больше не вижу в нем своего Геру — лишь хитрого опасного изменщика. Который сметет на своем пути любого, в том числе меня, если я вдруг вздумаю взбрыкнуть, как вчера. Говорить при этом он может что угодно, но я уже видела, на что он способен на самом деле.

Муж морщится и тяжело вздыхает.

— Маш, да пойми ты. Я как представил, что тебя и Лики больше не будет в моей жизни, мне сорвало крышу, наговорил всякой ереси. Я не хочу жить без тебя и дочери, понимаешь? Я слишком сильно вас люблю. Тебя люблю.

И так искренне говорит, смотрит так пронзительно, преданно... Не знаю, что он задумал, почему так кардинально сменил тактику, но я больше ему не верю.

— Изменял тоже от большой любви? — ехидно хмыкаю я.

— Это больше не повторится. Никогда, — твердо заявляет Герман. — Я тебе обещаю. Прости меня, Маш.

Мои брови взлетают чуть ли не до линии роста волос.

Не, ну а что, отличный подход. Изменял, пока не поймали, а потом «прости», и живем дальше как ни в чем не бывало.

— Ты серьезно думаешь, что твои слова что-то изменят?

— фыркаю я.

— Почему только слова? Я докажу тебе на деле. Ну хочешь, можешь проверять мой телефон в любое время.

Внезапно в голове всплывает момент из сериала, где у мужа был второй сотовый — специально для любовницы.

— Ага, как будто так сложно завести другой, к которому у меня не будет доступа, — ядовито озвучиваю эту мысль я.

По тому, как муж на секунду, одну гребаную секунду округляет глаза, понимаю, что попала в точку. У Германа *уже* есть такой телефон.

Раньше мне бы такое и в голову не пришло заподозрить его в этом, а теперь все кажется очевидным. Именно так муж и умудрялся водить меня за нос.

Я ведь и правда периодически брала его сотовый, если мне было лень идти за своим в другую комнату. И Герман вообще не дергался, реагировал максимально спокойно. Теперь понятно почему.

А я-то, дура, радовалась, ведь от подружек в универе не раз слышала, как напрягались их благоверные в такие моменты.

— У меня нет такого телефона, Маша, — решительно говорит муж. — Никогда не было и не будет.

— Угу, — усмехаюсь я.

— Я понимаю, в тебе говорит обида, но я люблю тебя, малыш. И все исправлю, — безапелляционным тоном заявляет Герман. — Мы начнем заново.

Собираюсь открыть рот и высказать все, что думаю о нем самом и его извинениях, но останавливаю себя усилием воли.

Я ведь всю ночь ломала голову, стараясь придумать, как быть. Молилась о какой-то лазейке, подсказке, и вот она. Отказываться не стану.

Муж собственноручно вручил мне шанс подготовить свой уход. Я боялась, что Гера собирается держать меня взаперти чуть что, а теперь он сам, скажем так, вручил мне ключи от дверей.

И я ими воспользуюсь.

Я сканирую мужа долгим, пронзительным взглядом и молчу. Делаю вид, что размышляю.

— Маш, я правда все понял. Всю ночь не спал.

— Хорошо. Я дам тебе шанс. Только не думай, — говорю наконец, поджимая губы, — что это будет легко, Гера.

Муж, похоже, только этого и ждет, сразу изгибает губы в улыбке облегчения.

Фух, кажется, поверил.

Он прижимает меня к груди, шепчет на ухо:

— Спасибо.

Стоически терплю его объятия, однако когда он хочет меня поцеловать, резко отворачиваюсь, и его губы скользят по моей щеке. Герман отстраняется и мрачнеет, но оставляет свои мысли при себе.

— Я не упущу свой шанс, родная, — говорит вслух.

Я тоже, милый, я тоже. Обида — мощное оружие, и я воспользуюсь им на полную катушку.

— Маш, я отъеду ненадолго по работе, — смотрит на наручные часы муж, — потом вернусь, вместе погуляем с Ликой.

— Ладно, — киваю, старательно сдерживая эмоции, хотя сердце сначала пропускает удар, а затем радостно бьется с утроенной силой.

Моя кровиночка будет со мной!

Герман уходит в гардеробную, а через несколько секунд я слышу, как он крепко ругается вслух.

Выходит с перекошенным лицом и остатками костюма в руках.

— Это что? — кивает на изрезанный пиджак.

— Пиджак, — пожимаю плечами, невинно хлопая ресницами. Опускаю взгляд, будто мне стыдно.

— Я понял, — угрюмо вздыхает муж, уходит обратно.

Слава богу, через десять минут он уезжает, и я остаюсь одна.

Только собираюсь идти в душ, как раздается звонок в дверь.

Спускаюсь вниз, а когда открываю, вижу перед собой Алену.

Черт, совсем забыла, что договорились сегодня посидеть у меня до того, как привезут Лику.

— Заходи, — пропускаю ее внутрь.

Подруга смотрит на меня, как на привидение, аж присвистывает.

— Машка, ты себя в зеркало видела?

Видела. Чучело то еще. Под глазами такие круги от потекшей туши, что любая панда позавидует.

Зато Алена как всегда с идеальным макияжем, в платье, удачно подчеркивающим и ноги, и стройную фигуру в целом. Каштановые волосы крупными локонами струятся по плечам. Прямо глаз не отвести.

Меня берет дикое зло. Она всегда красивая, но сегодня как будто особенно. И чего так намарафетилась? Уж не ожидала ли увидеть тут Геру и показать себя во всей красе?

— Что-то случилось? — всматривается в меня подруга.

И прежде чем я успеваю подумать, с языка срывается:

— Она еще спрашивает... Случилось!

— Что? — округляет глаза Алена.

— Ты спишь с моим мужем, вот что случилось!

Глава 6. (Не) виновата

Маша

Глаза Алены округляются до нехилых размеров, она даже рот приоткрывает.

— Маш, ты совсем того?! — кидает в сердцах. — Башкой стукнулась?

— Ну давай, еще скажи, что у тебя с ним ничего нет!

— Конечно скажу! — злится подруга, скрещивает руки на груди. — Ты офигела меня в таком обвинять?! С чего ты вообще это взяла? Что на тебя нашло?

На меня нашло, ага. А на нее, значит, нет?

— Так тебе что, Гера изменил? — охает Алена. — Ты поэтому такая зареванная?

Она тянет ко мне руку, но я отшатываюсь, мотая головой. Так и стоим молча. Каждая в своих мыслях.

Я всматриваюсь в лицо подруги, поджимая губы. И вроде тон у нее естественно сердитый, плюс опешила, да и удивление искреннее.

Но что ей помешало бы просто качественно сыграть эту роль? Вдруг Герман уже успел с ней поговорить, обсудить дальнейшую тактику?

Я полосую ее злым подозрительным взглядом, а в грудь словно всаживают острый кинжал — по самую рукоять. И прокручивают, чтобы было максимально больно. Внутри на-

чинает печь так, что сложно дышать.

Мои самые дорогие и близкие... за моей спиной... Как это пережить?

И эта фраза мужа: «Алена начала качать права». Что это значит? Что она стала уговаривать его развестись со мной и жениться на ней? Или как? И сколько они уже вместе? Речь явно не об одном-двух месяцах. Как правило, любовницы в первое время максимально угодливы, чтобы был резкий контраст с наскучившей женой.

Я — та самая наскучившая жена. Глаза снова начинают блестеть от слез боли и жуткой обиды.

А я-то, дура, приглашала Алену в свой дом, ничего не подозревая...

Конечно, она сейчас будет врать и изворачиваться, выгораживать себя. Или не будет? Может, говорит правду?

Голову начинает разрывать от двойственных мыслей.

О-о-о... Как узнать наверняка? Вопрос в лоб не сработал, подруга сразу ушла в отрицание.

В этот момент я ненавижу Германа всеми фибрами души. Это из-за него сейчас я чувствую себя так паршиво, ставлю под сомнение долгие годы дружбы. Возможно, Аленка действительно ни в чем не виновата, и я зря спустила на нее всех собак.

— Пойдем поговорим, — киваю в сторону гостиной.

— Маш, напомни мне, сколько мы друг друга знаем? — хмыкает подруга, потом задирает подбородок: — Я бы ни-

когда не ... Если ты действительно считаешь, что я бы стала спать с твоим мужем за твоей спиной, то нам не о чем разговаривать! Я, пожалуй, пойду.

Она хватает сумочку и делает пару шагов к двери, как вдруг медлит, разворачивается и кидает хлестко:

— Хотя знаешь что... Будь на твоём месте любая другая, я бы и не подумала ничего доказывать, но это ты. Давай поговорим. Пусть тебе станет стыдно!

Стыдно мне? Опять же, что это — искреннее негодование или попытка перевести стрелки на меня? Не зря ведь говорят: лучшая защита — нападение.

Мы идем в гостиную. Я сажусь в кресло, Алена на диван напротив и со злостью в голосе интересуется:

— Ну давай, расскажи, как такая гениальная идея пришла в твою голову?

— А так и пришла, — сужаю веки я.

Рассказываю, как получила голосовое сообщение, которое предназначалось не мне, и успела его послушать.

Некоторые детали упускаю, намеренно озвучиваю только ту часть, где Герман, механик хренов, сравнивает любовниц с машинами и говорит, что пора дать отставку Алене. Делаю это специально, чтобы увидеть реакцию подруги.

Она оторопело на меня пялится и всплескивает руками:

— Офиге-е-еть... Вот кобелина!

И ничто в ее реакции не говорит мне о том, что она и есть та самая Алена.

Но опять же, у нее была вся ночь, чтобы отрепетировать разговор со мной и все свои реакции.

Подруга вдруг вскакивает с дивана, сводит брови к переносице:

— Маш, мы, вообще-то, живем в городе-миллионнике. Здесь сотни, нет, тысячи Алэн. А ты вдруг решила, что речь именно обо мне? Ты серьезно?

И такой у нее обвинительный тон, что на секунду мне и правда становится стыдно.

Тем временем подруга копается в сумочке и вскоре достает свой сотовый.

— На! — пихает мне его в руки. — Проверь звонки, переписки, и что еще тебе вздумается. Давай!

Я лишь хмыкаю, кладу телефон на журнальный столик рядом

Толку-то с этой проверки? Наверняка Алена уже успела все почистить. Или и вовсе, как и мой супруг, пользуется вторым телефоном для связи с ним. Для Германа вообще не проблема купить такой для нее.

— Тебе известно, как я отношусь к женатикам, — раздраженно говорит Алена.

— Известно, — хмыкаю в ответ.

А еще известно, что Алена мечтает жить другой жизнью — благополучной, богатой, свободной. Не той, которой жила всю жизнь. Отличное желание, как по мне. Вот только все зависит от средств.

Может, ей надоело идти к своей цели обычным путем — долгим, непростым, с шишками. Вот и решила выбрать другой маршрут — через мужчину. И тут уж все средства хороши.

Она ведь видит, как живем мы с мужем. Пусть я никогда не выпячивала наш достаток, но все очевидно и так.

К тому же и для Германа это наверняка удобно. А что, Алена всегда в курсе моих планов, знает, когда мужу стоит к ней приезжать, а когда нет.

— У меня, вообще-то, есть мужчина, если помнишь, — приводит очередной довод подруга. — И я с ним живу.

В этот момент с моего лица сходит вся кровь. Действительно, у Алены появился мужчина, и она аж расцвела. Он снял для нее хорошую квартиру со свежим ремонтом, в ее гардеробе появились брендовые вещи.

Я видела ее Артура лишь на фото. По ее словам, он часто ездит по командировкам, вот и не успели познакомиться с ее избранником лично.

Что, если именно поэтому я никогда не видела его вживую — потому что никакого Артура и в помине нет. Вдруг это Герман?

Я ведь была в той квартире. Лихорадочно копаюсь в воспоминаниях, по крупинцам восстанавливаю то, что видела. То, что там живут двое, очевидно. Две щетки в ванной, мужские принадлежности для душа и бритва, причем недешевые. Вот только муж пользуется другой фирмой. Но что, ес-

ли это очередной обманный маневр?

Мозг начинает кипеть и грозитя вот-вот взорваться.

Я болезненно морщусь, но так и не готова вынести окончательный вердикт.

— Ну, убедилась? — снова садится на диван Алена. — И что ты планируешь делать с Германом, Маш?

Только открываю рот, чтобы сказать, что вижу лишь один выход — развод, как тут же его закрываю.

Э нет. Выдавать Алене свои планы, пока я не уверена, где правда, а где ложь, однозначно не стану.

Если она с ним заодно, точно ему расскажет, и накроется мой побег медным тазом.

— Я дала ему шанс.

— Ты серьезно? — хлопает ресницами Алена в полном шоке.

Опять душу разъедают сомнения: то ли она так реагирует потому, что в курсе, как я отношусь к изменам, то ли надеется, что я его отпущу, а она заграбастает его себе.

В этот момент телефон Алены, который я положила на журнальный столик, разрывается звонком.

Мы обе косимся на экран.

«Герман Маша».

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что это мой Герман. Я и сама так записывала парней Алены, чтобы сразу понимать, кто звонит.

Подруга кидает на меня растерянный взгляд и машет го-

ловой.

— Я не...

— Ой, может, хватит уже?! — рявкаю я.

Вот и приплыли... Вот вам и «Я бы никогда не стала».

— Ну давай, — нехорошо прищуриваюсь я, — отвечай.

Ставь на громкую связь.

И Алена снимает трубку.

Глава 7. Доказательства (?)

Маша

— Ален, привет, — на всю комнату раздается бодрый голос Геры из динамика.

Такой бодрый, будто у него все в порядке с настроением.

— Привет, — хрипло отзывается Алена, косится на меня.

— Ты не занята? Можешь говорить?

— Могу.

О, какая любезность.

— В общем, тут такое дело... — прокашливается Герман, и я выпрямляю спину в ожидании того, что он скажет дальше.

Вдруг заявит: «Милая, я спалился, и мы не сможем видеться, пока моя гримза не успокоится». Однако вместо этого он интересуется:

— Вы случайно не обсуждали с Машей какие-нибудь поездки в последнее время?

Поездки? Какие поездки? Внутри все холодеет. Вдруг Герман догадался обо всем, не поверил и понял, что я притворяюсь? Вот и хочет узнать, куда я могу от него уехать. Может, я слишком быстро согласилась дать ему шанс? Блин.

Алена молчит, непонимающе хмурит брови, и я подаю ей знак: давай, развивай тему. К чему это он?

— Какие поездки? — спокойно уточняет подруга.

— Да неважно. Или тут, на побережье, или за границу. Может, Маша что-нибудь говорила о том, где хочет побывать? У нас же скоро годовщина, и я хочу устроить ей сюрприз. Вот думаю, куда ее отвезти, вдруг она что-то упомянула.

— Нет, ничего такого.

— Ладно, я понял. Тогда выберу что-то на свой вкус. Все, больше не отвлекаю, хорошего дня.

Гера кладет трубку, а Алена красноречиво на меня смотрит.

— Ну что, убедилась?

И хотела бы я ответить положительно, но не могу.

Не верю, и все тут. Варианта по-прежнему два. Первый: я параноик. Второй: Алена и Герман красиво все обставили, договорились о звонке заранее и мастерски все провернули. Так, что вроде и не подкопаешься.

Как же проверить? И тут до меня доходит.

— Звони Артуру, — снова киваю на телефон.

— Зачем? — приподнимает бровь Алена.

— Я ведь так его ни разу и не видела. Он вообще существует? Хочу хотя бы услышать его голос.

— Ты совсем кукушкой поехала? — восклицает подруга.

— Я же показывала тебе его фотки. И наши совместные тоже!

— Ага, а еще ты дизайнер и мастерски владеешь фотошопом, — саркастично хмыкаю я. — Ты такие фотки можешь

состряпать за пять минут.

— И мужские вещи я тоже, по-твоему, фотошопом в квари-
тиру пририсовала? — злится Алена.

Я в ответ лишь пожимаю плечами.

— Да пошла ты! — окончательно звереет подруга и вска-
кивает с дивана.

— А что такого? Если Артур существует, в чем проблема
ему позвонить?

— Он сейчас в самолете и приземлится только через... —
кидает взгляд на наручные часы Алена, — два часа.

— О, как удобно. В самолете он. Ну да, ну да.

И тут я подмечаю, какие именно часы красуются на руке
Алены. Новые. И дорогие, я знаю. Видела такие, когда мы с
Германом выбирали в салоне часы для меня. И подозрения
снова со вкусом вгрызаются в мой воспаленный мозг. Мо-
жет, их приобрел Герман?

Ну, а что, мне подарил, и ей заодно. Не обделять же мою
любимую подругу, в самом-то деле.

— Да, в самолете! — взбешенно продолжает Алена. —
Все, Маша, с меня хватит. Я не собираюсь доказывать, что
не верблюд. Я уже четко поняла: ты все равно найдешь, к
чему прикопаться.

— Я не прикапываюсь, я хочу выяснить правду. Скажешь,
ты бы не захотела на моем месте?

— Захотела бы, — соглашается Алена. — Вот только ты
бы стала последней, кого я стала бы подозревать! Знаешь

что, твои отношения с Герой меня вообще не касаются, разбирайся с ним сама. Если тебя устраивает жить с кобелем, то пожалуйста, живи сколько влезет.

Мне снова безумно хочется прокричать ей в ответ, что я не собираюсь с ним жить. Ни за что. Ведь речь не о том, что Герман ошибся, оступился и сильно сожалеет. Он цинично и хладнокровно наставлял мне рога в течение длительного времени. Какая тут семья, какие совместные ценности? Но я упрямо поджимаю губы и молчу.

— Я тебе вот что скажу, — между тем продолжает хлестать меня словами она, — та, в кого ты превращаешься из-за него, уже не та Маша, которую я знаю. Стоило ли вообще прощать своего муженька, если ты теперь готова подозревать всех и вся? И ладно всех и вся, но меня? Меня?! Я хоть раз в жизни дала тебе повод усомниться в себе? А? Хоть раз тебя предала? Нет. Мы же всегда были друг за друга горой... А теперь... — Подруга морщится и взмахивает рукой. — Я с тебя хренею! Все, я пошла. Можешь не провожать.

Алена хватает сумочку со столика и несется к выходу. Перед тем, как выйти в коридор, бросает из-за плеча:

— И еще кое-что. Когда поймешь, что зря на меня наехала, можешь даже не звонить! Если ты настолько мне не веришь, я не вижу смысла общаться. Но добрый совет по старой дружбе все-таки дам: сходи, что ли, к психологу. Или еще лучше — к психиатру. Попей таблеточки, может, мозги и встанут на место.

Уже себе под нос она бросает в сердцах, цокая каблучками по мраморной плитке:

— Просто капец какой-то!

Еще через несколько секунд в коридоре с силой хлопает входная дверь, а я так и остаюсь сидеть на диване, невидящим взглядом пялясь на то самое место, где сидела подруга.

В голове назойливой пластинкой снова и снова крутится гневная отповедь Алены.

По щекам опять бегут слезы, и я вытираю их тыльной стороной ладони, поджимая губы и всхлипывая.

Мы ведь с Аленой до этого ни разу толком и не ссорились, так, спорили порой по мелочам, и все. Что, если я и правда перегнула палку? Что, если потеряла подругу из-за беспочвенных подозрений?

О-о-о... Грудь щемит от боли, и мне так хреново, что хочется выть.

Меня снова разрывает на две части. Одна упрямо кричит: «Верни Алену, поговори с ней, помирись. Она не врет, она бы тебя не предала».

Вторая ехидно нашептывает на ухо: «Алена хорошо тебя знает. Даже лучше, чем муж. Тем проще им было сговориться и совместно усыпить твои подозрения. Зря, что ли, Герман решил посоветоваться с ней насчет поездки? У него что, своего ума нет? Мог спросить у тебя напрямую. Но не спросил. На крайний случай выведал бы у тебя невзначай, ведь до годовщины еще полтора месяца, куча времени. С чего вдруг

ему понадобилась эта информация именно сейчас? А с того, что это все просто подготовленный заранее концерт для тебя. Чтобы ты поверила, что он сожалеет, старается загладить свою вину».

В итоге я так и не прихожу к общему знаменателю. Решаю, что лучше перебдеть, чем недобдеть — слишком многое на кону. Однако мозг все гложет и гложет мысль: если Алена и правда не виновата, сможет ли она когда-нибудь меня простить?

Так и продолжая реветь, топаю в столовую, чтобы убрать со стола еду, которая успела заветриться за ночь. Остервенело смахиваю остатки в мусорный контейнер дрожащими от стресса руками, хотя больше всего на свете хочется вывалить это все на голову Германа.

Я думала, мне было плохо вчера. Но нет, теперь мне еще паршивее.

Я кусаю губы почти до крови, пока мою посуду. Обычно с этим справляется посудомойка, но сейчас решаю помыть ее сама — это занятие всегда отлично меня успокаивало и очищало мозги. Но не в этот раз.

Что ж, день еще только начался, а новости неутешительные. Мужа, считай, нет. Теперь нет и подруги.

Алена права в одном: теперь я буду подозревать всех и вся. Хотя почему буду? Уже подозреваю. И оттого планировать свой отъезд станет еще сложнее. Любой, кому я расскажу о своих планах, может передать их Герману. Абсолютно

любой.

Губы дергаются в нервной усмешке, когда на ум приходит известная фраза: «Один в поле не воин».

Может, и так. Но я постараюсь доказать обратное.

Когда ставлю в сушилку последнюю вымытую тарелку и выхожу в коридор, чтобы наконец-то сходить в душ, по дому эхом разносится громкий голос Германа:

— Маш, я дома. Ты где? У меня для тебя сюрприз!

Глава 8. Сюрприз

Маша

От слова «сюрприз» мое тело пробивает нервная дрожь. И так за неполные сутки уже столько сюрпризов, что еще один, боюсь, не вывезу.

Очень хочется проскользнуть наверх тенью, чтобы не видеть гнусной морды Германа и тем более его даров, но умом понимаю: не выйдет. Мне в любом случае придется как-то с ним взаимодействовать.

Тем более муж продолжает звать:

— Маш, иди сюда. Тебе не интересно, что ли?

А вот не интересно! Вообще. Нисколько. Ни капли. Пусть засунет этот подарок себе в жопу! И все остальные тоже.

Как будто его презенты способны все исправить и заставить меня забыть о том, что произошло. И что там за сюрприз на этот раз? Неужели уже определился с датой будущей поездки?

А может, вообще, привез всех своих любовниц, выставит их в линейку, и каждая из них начнет меня уверять, что у них с Германом ничего нет. И даже в постель с ними он ложился с моим именем на губах.

Тьфу, что только ни придумает мое воспаленное сознание...

«Возьми себя в руки», — приказываю себе мысленно. Изо

всех сил стараюсь, чтобы выражение моего лица было не слишком зверским и ненавидящим, иду к входной двери.

При виде меня Герман изумленно вскидывает брови. Видимо, после встречи с Аленой и новой порции слез я выгляжу еще хуже, чем утром.

— Ты еще не умывалась? — спрашивает.

И вроде обычная фраза, ничего в ней такого, но я-то чувствую его подтон, к тому же в памяти мигом всплывает его вчерашняя фраза «Выглядишь как пугало».

Как еще, по его мнению, я должна выглядеть? Радоваться жизни? Сиять и цвести?

Грудь распирает от злости, и я кошу взгляд на стоящую в углу напольную вазу. Меня жутко, прямо-таки безудержно к ней тянет. Тянет взять ее в руки и приземлить ему на голову.

— А что, в таком виде я тебя не устраиваю? — сужаю веки.

— Ну что ты, Машуль, — включает заднюю Герман, — ты мне любая нравишься. Ты же знаешь.

Конечно. Именно поэтому ты, кобелина, и меняешь любовниц как перчатки!

— Скоро привезут Лику, — напоминает он мне.

— Я в курсе. Как раз шла в душ, а тут ты. Зачем меня звал? — интересуюсь ледяным тоном.

— Вот, — жестом фокусника достает из-за спины красную бархатную коробочку муж. Протягивает мне.

Я лишь молча подозрительным взглядом изучаю малень-

кий прямоугольник. Неужели и правда решил задобрить жену-мегеру ювелиркой?

— Открывай, чего стоишь? — поторапливает меня Герман.

Я нехотя забираю подарок из его рук, развязываю ленточку, которой перевязана коробка, и снимаю крышку.

Когда понимаю, что именно лежит внутри, у меня начинает дергаться левое веко. Ощутимо так.

Герман надо мной издевается? Не иначе. Или сошел с ума. Или и то и другое сразу.

Дрожащей рукой подхватываю содержимое, никак не могу поверить в реальность происходящего.

Потому что это ключ от машины. Не просто от машины, а от... мерса.

Поднимаю на мужа ошарашенный взгляд и сиплю:

— Эт-то что?

— Сейчас покажу. Пойдем, — с улыбкой тянет он меня на улицу.

Семеню за ним на ватных ногах, а когда выходим во двор, я сразу вижу на площадке у гаража белоснежный мерс, перевязанный огромный красным бантом.

Чувствую, как начинают дрожать губы. Это что, мерс для мерса?

Нет, ну он реально надо мной издевается...

— Это тебе. Ну как, нравится? — склоняет голову набок Герман.

И ждет моей реакции.

— Н-нравится? — шепчу еле слышно, сводя брови к переносице. — Гера, ты серьезно?

Это какой-то театр абсурда...

— Что не так? — мгновенно мрачнеет муж.

Видимо, ожидал от меня совсем не таких слов. Может, ду-мал, я начну скакать вокруг него или машины с восторжен-ными воплями, кинусь ему на шею, расцелую?

Я бы так и сделала еще вчера днем.

Но не сейчас. Сейчас в ушах звенит так, что я мотаю го-ловой, чтобы хоть немного отпустило.

— Почему ты мне ее подарил? — интересуюсь, шумно дыша.

— Потому что это отличная машина, Маша, разве не оче-видно? Лучшая. — Герман распрямляет плечи, улыбается довольно. — Я старался, выбирал.

Угу, прямо как меня, судя по всему. Старался, выбирал жену-простушку без связей и родных, чтобы угодливо загля-дывала в рот, рожала детей и не отсвечивала...

Теперь-то до меня доходит, что он мог иметь в виду, когда назвал меня мерсом. Мерс — это статус. Вот и я — просто статус для него. Статус семейного человека. А то, что я без связей и приданого, так это только плюс. Он сможет делать что хочет, а я и не вякну из страха потерять все то, что у меня есть.

Будь на моем месте какая-нибудь дочка чиновника или

бизнесмена со связями, она бы взяла битку и разгромила этот подарок-извинение, наорала бы. А потом гордо подняла голову и ушла. Разумеется, отсудив у Германа все что можно и нельзя при разводе.

А я... Я не могу позволить себе ни того, ни другого. Как и отсудить у него хоть что-то — муж наверняка обезопасил себя по полной.

— Ну, что ты молчишь? — хмурится Герман. — Ты же хотела водить, просила машину. Вот тебе машина. Что не так?

— Но почему именно эта? — гну свою линию, объясняю оторопело: — Ты же назвал меня мерсом в сообщении. А теперь его же и подарил... Это что, какой-то намек?

Герман вскидывает брови и зависает на секунду.

— Какой намек, Маш? Зачем ты цепляешься к словам? Я выбрал именно эту модель, потому что это офигенная машина, только и всего. Максимально комфортная, безопасная. Я же забочусь о тебе. Хочу, чтобы ты получала удовольствие от вождения. А ты вместо благодарности нос воротишь. В конце концов, даже если я что-то там сказал, с чего тут обижаться, это же мерс. Я ведь не с ржавыми жигулями тебя сравнил!

Внутри скапливается шар колючей, концентрированной злости. Действительно, польстил так польстил! И правда, чего я тут выкаблучиваюсь? Пора простить мужу все грехи и выдать бессрочную индульгенцию на новые.

— Ладно, я понял. Не угадал с подарком. Извини. Не хо-

чешь как хочешь, — тяжело вздыхает Герман, подходит ближе и протягивает вытянутую ладонь. — Я думал, оценишь, но раз не нравится, давай ключ, верну машину в салон.

— Стой, — мотаю головой и прячу ключ за спину.

Приказываю себе: Маша, дыши, возьми себя в руки.

Это недальновидно — упускать возможности, которые сами идут мне в руки.

Ведь на данный момент мне вообще нечего противопоставить мужу: мое слово против его и никаких достоверных улик. Но я обязательно раздобуду доказательства его измен, чтобы было с чем идти в суд. Надо будет, найму детектива. Узнаю, что у него на самом деле с Аленой. И сколько еще у него любовниц.

И если для этого нужно притворяться, я буду это делать. Да, мне до чертиков обидно и больно. Да, все так же хочется засунуть если уж не мерс, то хотя бы ключ от него мужу в задницу. Отказаться, фыркнуть и уйти. Но я не в том положении.

Мысленно считаю до пяти, развожу руками.

— Ты прав, главное ведь поступки, а не слова, так? — выдавливаю из себя через силу.

— Именно, — кивает муж, не замечая моего тона.

Ну что ж, дареному коню, тем более такому, в фары не смотрят. Если я смогу сама ездить по городу, то это не просто подарок, это манна небесная.

Вот только в этот же момент срабатывает интуиция: без

подводных камней тут точно не обошлось.

Вопрос: сколько именно таких камней у Геры за пазухой и какие?

Первое, что приходит на ум, — моя ли это машина? Надо узнать. Захожу издалека:

— Я просто... просто не могу поверить, что это не шутка. Это же такой дорогуший подарок, Гер. Не машина, а сказка! Ну правда, я в шоке. Мне кажется, вот моргну сейчас, и она исчезнет.

— Не исчезнет, — гордо улыбается муж. — Хочешь убедиться, потрогай.

И я послушно иду к машине, провожу ладонью по капоту, обвожу кончиками пальцем фирменный круглый значок мерса впереди.

Разворачиваюсь к мужу:

— Она реально моя? Серьезно?

— Серьезно. Завтра сам съезжу за номерами, сможешь водить.

Еле сдерживаю торжествующую улыбку.

— И документы уже есть? — стараюсь, чтобы мой голос звучал максимально ровно.

— Разумеется, — кивает Герман, гордо сообщает: — Я оформил генеральную доверенность на тебя.

Ну, вот он, первый камень. Машина мне, да не моя. Ну, Герман, ну гад ползучий! Помахал морковкой перед носом и тут же ее забрал. Как будто я цирковой питомец — получаю

лакомство, только если буду послушна и выполню все требуемые трюки.

— Позже, — добавляет муж, — когда будешь чувствовать себя увереннее за рулем и наберешься опыта, переоформим на тебя. А пока лучше так, чтобы я в случае чего мог максимально быстро решать проблемы сам. Ни к чему тебе забивать этим голову.

Ах, какая забота! Позже, значит? Почему в этом «позже» мне явственно слышится «когда я буду окончательно убежден, что ты меня простила и не выкинешь чего-нибудь этого»?

Я едва не скриплю зубами от злости, однако вслух произношу совсем другое:

— Хорошо.

Как ни крути, такой вариант в любом случае лучше, чем чтобы меня возил его водитель. Четко знаю: так и будет, если я откажусь. А мне соглядатаи ни к чему.

— Ты можешь ездить куда и когда хочешь, Маш. Я тебя никак не ограничиваю. Просто сообщай, куда собираешься, чтобы я не волновался. Договорились? — Герман внимательно всматривается в мое лицо.

И такой у него тон при этом...

— Конечно, — киваю понимающе, но внутренности стягивает тугим жгутом.

Ох, зря он это сказал. Вон он, второй камень. Даже глыба.

Я достаточно хорошо знаю супруга, чтобы понять: он ведет свою игру. «Подарил» машину только на словах не просто так. И отпускает ездить куда и когда хочу тоже не по доброте душевной.

Нерадостная догадка всплывает в голове сама собой: в машине стопроцентно уже стоит какая-то программа, так что Герман и без моих отчетов сможет узнать, где я. А потом сверить с моими словами.

Хотя... пусть сверяет. Я уже придумала, как его обхитрить.

Вот только в этот момент ни я, ни муж даже не подозреваем, что целый водоворот событий закрутится именно с того дня, как я сяду за руль.

Глава 9. Что ему нужно?..

Маша

Автоматические ворота во дворе закрываются, скрывая за собой машину мужа и его самого.

Я облегченно выдыхаю, наблюдая за этим в окно своей спальни на втором этаже.

Наконец-то Герман уехал на работу.

Вторую половину субботы и все воскресенье он практически не отходил от меня и дочери. Разве что отлучился на несколько часов, чтобы получить номера для «моей» машины. А потом вел себя как образцовый муж и отец.

«Машенька, хочешь то?» «Любимая, хочешь это?» «Маш, а давай мы...»

Однако если я чего от него и хотела, так это чтобы он оставил меня в покое. Безнадежно, впрочем. Если уж муж что-то вбил себе в голову — отступать не станет, мне ли не знать.

В итоге все это время я находилась рядом с ним через силу, с постоянным ощущением липкой гадливости. Он тянет ко мне руку — я дергаюсь в сторону. Пытается обнять — я отстраняюсь. Даже воздух между нами и тот стал каким-то напряженным, как и атмосфера в доме.

И все его намерения поговорить улетали в пустоту.

Что мне до его сожалений и попыток снова объясниться? Неужели Герману невдомек, что меня от него попросту во-

ротит?

Его приторный тон в конце концов начал бесить до зубов-ного скрежета.

— Хватит! — не сдержалась я под вечер субботы.

— Что хватит? — будто не понял он.

— Ходить за мной по пятам. И вести себя так, будто у нас все в порядке. У нас ничего не в порядке! То, что я согласилась дать тебе шанс, не значит, что я уже готова тебя простить. Мне нужно личное пространство и время!

«Время до тех пор, пока я не буду готова дать тебе отпор», — добавила про себя.

Лица сразу почувствовала мое настроение, почти все выходные нудила и канючила, рыдала без причины. На руках у Геры она расходилась еще больше, и успокаивать ее приходилось мне.

И оттого я еще больше злилась на мужа. Как мне успокоить дочь, когда у самой на душе скребут дикие пумы?

В итоге все, чего добился Герман, так это того, что моя решимость лишь окрепла.

До ноута из-за проявляющего излишнюю прыть мужа я так и не добралась. А ведь хотела начать подыскивать жилье, работу и садик для дочери. И адвоката. И детектива.

Слава богу, теперь, когда у Геры началась рабочая неделя, у меня будет на это время.

Как только я вижу, что машина мужа скрывается за поворотом, сразу мчусь к ноутбуку. Начну с частного детектива.

Вскоре с удивлением узнаю, что его услуги стоят не так дорого, как я считала. Я сразу звоню по одному из номеров. Разумеется, через мессенджер, чтобы муж не увидел этот звонок среди исходящих — вдруг ему вздумается заказать выписку на мой номер втихоря? И вообще, нужно обзавестись новым. Не ему одному ведь иметь второй сотовый, правда?

Через пять минут настроение поднимается. Детектив, мужчина с приятным голосом, соглашается мне помочь, когда я объясняю, что нужно проследить за неверным мужем, и мы сразу назначаем встречу в центре города, в одном из торговых центров.

Мужу скажу, что еду развеяться с дочкой.

Удивительно, как Герман еще не заблокировал мою карту. Впрочем, он наверняка решил, что я стану успокаивать себя покупками и обновками.

Вот пусть так и считает.

Однако когда я проверяю остаток на счете, стону с досадой.

Денег там, как назло, почти и нет. Логично, я потратила крупную сумму пару дней назад, когда закупала продукты для ужина и для нас на несколько недель вперед.

В задумчивости прикусываю губу — что делать? Позвонить и попросить еще? А если что-то заподозрит? Обычно Герман сам следит за этим и вовремя пополняет счет. Пополнит ли в этот раз?

Так, ладно, пока попробую обойтись тем, что есть. На де-

тектива, по крайней мере на первое время, точно хватит.

В итоге через пару часов я устраиваю Лику в кресле на заднем сиденье. Пожалуй, единственное, за что я сейчас благодарна мужу, так это за то, что он сразу озаботился покупкой кресла для дочери.

Я объясняю ей, что едем погулять.

— Ага, — улыбается дочь и начинает подтанцовывать, когда я включаю ее любимые песни на телефоне.

— Ну что, поехали? — завожу мотор.

И тут же вспоминаю, что забыла отчитаться. Пишу мужу сообщение, что еду с Ликой в торговый центр, и выезжаю со двора.

Еще через полчаса вижу, что впереди пробка, и решаю ее объехать.

Вскоре понимаю, что сзади как-то слишком тихо, даже детские песенки и те смолкли.

— Ликусь, ты как? — смотрю на дочь в зеркало заднего вида и прикусываю язык: она сладко спит.

Есть у моей сладкой девочки одна особенность: она отрубается, стоит только машине поехать. Заглушил мотор — все, глазки открыты, голова вертится в разные стороны, будто и не спала вовсе.

«Моя ты рыбка», — улыбаюсь, но улыбка мгновенно гаснет, а в следующий миг я машинально с силой вцепляюсь в руль и давлу на тормоз с бешено бьющимся сердцем.

Меня за малым не подрезает огромный черный джип, об-

гоняет по встречке и становится поперек, перекрывая мне проезд.

Совсем debil?! Кто так делает? А если бы я не успела среагировать?

Мимо меня с громким сигналом клаксона проезжает другая машина, водитель которой крутит пальцем у виска. Мол, дура, кто ж так резко тормозит.

Как будто не понятно, что я сделала это не по своей воле.

Я включаю аварийку, поворачиваюсь к дочке и вижу ее распахнутые глаза. Проснулась. Еще бы, после такого торможения.

— Все хорошо, милая, — успокаиваю ее, — сейчас поедem дальше.

Я с возмущением снова смотрю вперед и цепенею. Возмущение сменяется недоумением, а затем и страхом, когда со стороны водительского сиденья джипа открывается дверь и наружу вылетает высокий темноволосый мужчина.

Поначалу я решаю, что это Гера, но когда мужчина поворачивается лицом, понимаю: нет, просто похожи. Этот мужчина не такой плечистый, как муж. Но явно злее...

И этот угрюмый и злой как сто чертей мужик решительно надвигается прямо на меня.

Я вжимаюсь в кресло и шепчу:

— Мамочки...

Я же спокойно ехала, никого не трогала, правил не нарушала...

Что ему нужно от меня?

Первая мысль: я останусь в машине. Вот просто не открою этому мужчине, и все тут. Пусть буйнит снаружи. Может, вообще перепутал меня с кем-то? Поймет это и сразу свалит? Однако незнакомец кидает взгляд на номера моей машины и кивает себе так, как будто только что убедился, что он явно по адресу.

Затем я снова смотрю на Лику. Что, если он начнет тарбанить в окно или стучать в дверь? Лично мне и так уже страшно так, что начинают дрожать руки, но он напугает и малышку.

— Мама сейчас вернется, — говорю дочери, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Не дай бог мое волнение передастся и ей.

Глотаю возникший в горле ком и выхожу. В крайнем случае закричу, позову кого-то на помощь. Ну не нападет ведь он средь бела дня, так?

В первую секунду незнакомец приподнимает брови при виде меня, сканирует морозным, цепким взглядом, в котором сквозит недоумение. Однако оно тут же снова сменяется гневом.

— Тебе кто права выдал? — подходит он ближе и гремит он так, что я машинально делаю шаг назад. — Или подарили, а ездить не научили?

Я выпадаю в осадок, ничего не понимая. Что за нелепые претензии, я ведь не нарушила никаких правил!

А потом до меня доходит, что именно он мог подумать и обо мне, и о том, откуда у меня права и такая машина. И правда, откуда еще у такой молодой девушки, как я, могут взяться права и мерс? Путь, по его мнению, один, и этот мужлан явно решил, что именно им я и воспользовалась. Вот хам!

— Кто мне подарил права? Я, вообще-то, получала их сама!

Киваю в сторону его остановленного поперек дороги джипа.

— Ты сам как свой танк поставил, а? Создал аварийную ситуацию! В меня из-за тебя чуть не вписались.

— Это ты мне будешь говорить об аварийной ситуации? — сужает веки незнакомец. — Ты меня вчера так подрезала, что я за малым не сбил женщину с ребенком. Ты одного не учла — я запомнил номер. Думал пробить владельца, а тут такая удача, ты сама попалась мне в руки.

— Я? Вчера? Я только сегодня села за руль этой машины.

— Красиво врешь, — кривит губы в ухмылке незнакомец. — Думаешь, я на это поведусь?

Он кидает взгляд за мое правое плечо, в машину, и замечает Лику.

— Так ты еще и с ребенком! — изумляется. — Вот же курица, ладно себя и других не бережешь, но кто тебе ребенка доверил?

Что?! Чтобы я поставила дочку под удар? Да я за нее

жизнь готова отдать! Что это за предьявы вообще?

Мужчина продолжает что-то вещать с горящим и пробирающим до нутра взглядом, но я уже не слышу: в ушах стоит такой дикий звон, что я машу головой и морщусь.

— Вы всегда сначала грубите, прежде чем разобраться?
— говорю едва слышно.

Мой тихий голос действует на незнакомца отрезвляюще. Он наконец-то умолкает, переспрашивает:

— Что?

Я повторяю то, что только что сказала.

— Я ведь вам говорю, я только сегодня села за руль этой машины, а вчера...

Тут же осекаюсь и кристально ясно осознаю, кто именно подрезал этого мужчину. Герман. Это ведь он вчера ездил за номерами. И я даже понимаю праведный гнев незнакомца: он чуть не сбил людей по вине мужа.

Вообще, это странно: Гера водит настолько хорошо, будто родился с рулем в руках. И такое поведение на дороге — совсем не про него: он не лихачит и при мне ни разу никого не подрезал. Но и незнакомец говорит так уверенно...

Потом происходит то, чего я сама не ожидаю. Да за что мне все это, а? Гера изменяет и что-то скрывает, Алена больше не подруга. Непонятно, удастся ли выстоять против мужа, так еще и ни за что ни про что наезжают.

Этот мужчина и его беспочвенные наезды становятся последней каплей. Мой внутренний кувшин переполняется, и

все невысказанные и невыплаканные за последние дни эмоции обрушиваются на меня двадцатиметровой волной и погребают под собой.

— Вместо того чтобы наезжать, взяли бы да помогли! — всхлипываю я, а по щекам текут слезы, которые я тут же размазываю ладонью.

Незнакомец ощутимо теряется, меняется в лице. Даже переходит на «вы».

— Девушка, вы что? Если это были не вы, так бы сразу и сказали...

— Я сказала! — бросаю в сердцах, снова всхлипываю: — Так вы и слушать не ста-а-али!

— Ну все, все, успокойтесь, пожалуйста, — басит он.

— За рулем вчера была не я! — убежденно продолжаю я.

— Я понял, только не плачьте. Потом разберемся, кто был за рулем, а пока... чем я могу вам помочь?

Я смотрю на мужчину сквозь слезы, хлопаю мокрыми ресницами. Он это серьезно?

— Ничем, — качаю головой, — если только вы не адвокат. Очень хороший адвокат.

Незнакомец вдруг усмехается:

— Вы прямо по адресу. У меня сеть адвокатских контор по всей стране. Что у вас случилось, ...?

— Маша, — представляюсь, вытирая слезы тыльной стороной ладони.

— Дамир. Дамир Бероев. — Незнакомец тянет руку во

внутренний карман пиджака, достает оттуда визитку и протягивает мне.

И тут из моей машины раздается визг-плач, да такой, что мигом въедается в уши.

— Простите, мне нужно к дочке, — бормочу я, забирая визитку. — Я могу позвонить вам позже?

— Разумеется. До встречи, Маша. — Дамир так произносит мое имя, будто пробует его на вкус. Кидает на меня очередной сканирующий взгляд и широким шагом идет к своей машине.

А я бросаюсь к Лике, крепко сжимая визитку в руке.

Пока прижимаю дочку к себе, шепча что-то успокаивающее, все рассматриваю черные буквы на белом прямоугольнике. И правда, адвокат.

Из горла помимо воли вырывается смешок. Вот свезло так свезло.

Главное, чтобы согласился мне помочь и не передумал, когда узнает, с кем именно я собралась судиться.

Глава 10. (Не)везение

Маша

Через несколько часов я выхожу из торгового центра в приподнятом настроении. Даже ливень и порывистый ветер, что обрушились на город, не могут его омрачить.

Устраиваю Лику в детском кресле и еду домой.

Встреча с детективом прошла как нельзя лучше.

У Станислава Андреевича, оперативника в отставке, оказалась настолько непримечательная внешность, что поначалу я попросту скользнула по нему взглядом и прошла мимо, когда зашла в кафе, где мы договорились встретиться.

Попроси меня кто-нибудь описать его, я бы пожалала плечами и не ответила ничего вразумительного. Мужчина средних лет, шатен. Одним словом, обычный. Каких тысячи тысяч. В общем, то что нужно для незаметной слежки.

Тем ярче был контраст с его умом и проницательностью. Серьезный, въедливый мужчина скрупулезно записывал все, что я рассказывала, сыпал уточняющими вопросами как из рога изобилия.

Например: когда муж уезжает на работу и возвращается домой, где обедает, как отдыхает, ездит ли в командировки и как часто. Есть ли у него охрана. И так далее и тому подобное. Вопросов было столько, что к концу беседы я почувствовала себя выжатой как лимон.

Надеюсь, все не зря.

Станислав Андреевич пообещал сделать все возможное, чтобы добыть улики, безапелляционно доказывающие измены мужа.

Остается только скрестить пальцы на удачу, чтобы Герман изображал раскаяние только для меня, а сам продолжил встречаться с любовницей.

М-да, до чего дожила. Обычно жены надеются, что муж им верен, а я молюсь, чтобы мой изменял.

Мы подписали договор, договорились встретиться завтра. Разумеется, вряд ли Станислав Андреевич успеет раздобыть хоть что-то, но зато он купит для меня новый телефон и сим-карту, чтобы Герман не мог их отследить.

Как только сотовый будет у меня, сразу позвоню адвокату. Хоть бы с ним все сложилось так же удачно, как и с детективом.

— Пусть все получится, — шепчу себе под нос, аккуратно руля по улицам города под мерный шум работающих дворников.

Однако на этом моменте везение, которым меня осыпала пролетающая мимо добрая фея, испаряется.

Все начинается с того, я встречаю в огромную пробку. И на этот раз ее никак не объехать.

Ну как так-то? Город-миллионник, а коммунальные службы снова оказываются не готовы к проливному дождю. Улицы затапливает, и вуаля, машины ползут вперед с черепа-

шьей скоростью. Впрочем, коммунальные службы не готовы не только к осенним ливням. Каждый год для них становится сюрпризом и жара летом, и снег зимой. Эх.

В итоге, когда мы с Ликой забегаем домой, часы показывают почти шесть вечера.

Как назло, муж обещался быть дома сразу после работы, а это значит, что у меня практически нет времени, чтобы приготовить ужин.

В итоге мечусь между дочерью и готовкой.

Моя надежда, что Герман все-таки задержится, рушится на корню, когда ровно в двадцать минут седьмого он заходит домой, зовет меня с порога.

Я так и не выхожу, и тогда он сам заявляется на кухню.

С охапкой алых роз.

— Это тебе, — басит, протягивая мне букет. Хмурится.

Хмурится потому, что обычно я неслась к двери, бросаюсь ему на шею, встречая с работы.

Сегодня я так не сделала. И завтра не сделаю. Вообще никогда больше не сделаю. И столько таких «никогда»...

Перевожу взгляд на цветы и едва сдерживаю злость. Атракцион «задобри жену подарками», видимо, продолжается. Вот только что мне его розы теперь? Любой его презент лишь усиливает боль, напоминает о случившемся. Он сам ее усиливает. Я распадаюсь на тысячи острых осколков рядом с ним.

— Займи, пожалуйста, Лику, пока я готовлю и накрываю

на стол.

К моему удивлению, Герман соглашается без всяких отговорок.

Через пятнадцать минут он заходит на кухню, по-собственнически обнимает сзади. Кладет ладони мне на живот, прижимая к себе, целует в шею, опалая ухо горячим дыханием.

Раньше от таких прикосновений в животе порхали сотни бабочек, а теперь я деревенею с ножом в руке. Голову посещают отнюдь не ангельские желания. Живо представляю, что именно отчекрыжила бы мужу прямо сейчас.

— Тебе помочь? — Гера будто не замечает моей реакции.

Боже, дай мне сил продержаться сколько нужно!

— Не надо, — чересчур резко отвечаю я.

— Как хочешь, — пожимает плечами муж.

Слава богу, отстраняется. Зато цапает с тарелки на столе кусок мясной нарезки. Следом отправляет в рот листик салата.

«Смотри не подавись, Гера!» — фырчу про себя, и ровно в этот момент муж заходится надсадным кашлем.

Я смотрю на то, как он краснеет, хватая воздух ртом, и во мне ни толики сочувствия. Лишь жажда, чтобы он прочувствовал на себе ту боль, что причинил мне. Пошедший не в то горло лист салата явно не подходит на эту роль.

«Та, в кого ты превращаешься из-за него, уже не та Маша», — болезненной вспышкой всплывают в памяти слова

Алены.

Уж не ей мне такое говорить, но... все-таки есть в этом доля истины.

Когда муж наконец откашливается, я фырчу на него, чтобы наконец ушел:

— Гера, ты что, оставил дочку одну? Обещал ведь приглядеть за ней. Где она?

— Точно, — спохватывается тот. — Я пришел спросить, где ее Аф. Лика его потеряла.

Аф — это маленькая бело-коричневая вязаная собачка на брелоке. Вроде ничего такого в этой игрушке нет, но дочка всюду таскает ее с собой. Точнее, таскаю я, чтобы предьявить когда нужно.

— Он в моей сумке, в коридоре, — без задней мысли отвечаю я.

— Понял.

Герман шагает к двери, а меня мгновенно бросает в жар.

Твою ж налево! Аф в сумке — там же, где договор с детективом и визитка адвоката.

— Я сама достану, — иду в коридор, обгоняя мужа. — Лучше проверь, как там Лика.

Мысленно посыпаю голову пеплом.

Хотела ведь сразу достать и спрятать договор с визиткой, но дочери приспичило в туалет, а потом она захныкала, пришлось успокаивать. В это же время позвонила свекровь, еще и этот ужин, будь он не ладен... Короче, забыла.

Стону про себя. Ну какая же я дурында!

Вообще, достань я собаку сразу, сейчас и переживать бы не стала: муж не имеет привычки проверять содержимое моей сумки. Но я не достала.

И хуже всего в данный момент то, что я слышу шаги Германа за спиной. Вместо того чтобы пойти к дочке, он явно спешит за мной. Бли-и-ин!

Лихорадочно вспоминаю, в какой именно карман сунула этот треклятый договор. Вроде в тот, что на молнии. А если нет? Зато визитка адвоката стопроцентно в обычном отделе.

Даже представлять не хочу, что будет, если Герман увидит то, что не должен.

В ушах шумит так, что я слышу лишь биение собственного сердца, которое отчаянно грохочет в груди. И шаги. Свои и мужа.

Думай, Маша, думай! Что же делать?

Однако я ничего не успеваю придумать — слишком мало времени. А в следующий миг до меня отдаленно, словно через вату в ушах, доносится какое-то бряканье из коридора.

Стоит только мне и Герману завернуть за угол, я сразу вижу Лику.

Она с весьма довольным видом сидит на полу... в окружении кучи вещей из моей сумки. Помада, пудра, салфетки — влажные и сухие, несколько ручек, паспорт, блокнот, футляр с солнечными очками, бутылочка воды, кошелек, маленькая пачка печенья и куча всего еще, что влезло в мамскую вроде

бы не очень большую, но вместительную сумку.

Я тут же понимаю, что произошло. Дочка не дождалась папу, но запомнила, куда я положила Афа. Вот и отправилась добывать его сама. Так как сумка лежала высоко для нее, она потянула ее на себя, и та вместе с содержимым упала на пол. А там уж шаловливые руки добрались и до содержимого, и до любимой игрушки.

Мигом оцениваю ситуацию: договора на полу нет. Выходит, я все-таки убрала его в отделение с молнией. Но радоваться рано: где же визитка?

Лику в этот момент приговаривает:

— Аф!

Одной ручонкой она крепко сжимает любимую собачку, другой — пудреницу, которой и стучит по полу.

А рядом с дочуркой какой-то маленький свернутый огрызок бумажки, весь облизанный и пожеванный. Вглядываюсь и узнаю в нем... визитку адвоката.

Точнее, я-то узнаю, а вот муж уже не узнает, слишком сильно пожевана бумага.

Мысленно выдыхаю. Фу-у-ух, словно гора с плеч.

Я поднимаю дочь на руки, а сама в это время все-таки наступаю на то, что было визиткой, максимально приминаю — на всякий случай.

— Держи, — укоряющим тоном вручаю ему Лику. Вручаю, чтобы не бросился мне помогать собирать вещи. — Знаешь ведь, ее нельзя оставлять одну!

— Я ведь ненадолго, — хмыкает муж.

— Когда это дочери было нужно много времени, чтобы устроить кавардак? — упираю руки в бока, намеренно отвлекая Германа. — А если бы в сумке было что-то, чем она могла пораниться?

— Не нагнетай, Маш, — парирует муж, однако в его голосе сквозят нотки вины.

— Иди с Ликой в зал, я сама все уберу.

Я наклоняюсь и начинаю складывать обратно в сумку все то, что дочка успела вытащить, намеренно поворачиваясь к Гере спиной. Пальцы еще подрагивают от нервов, а пульс все никак не спешит снижаться. Мимоходом аккуратненько поднимаю и то, что было визиткой, тоже бросаю в сумку.

Лучше выкину потом, не при Гере. Который все так же какого-то черта продолжает стоять за спиной и наблюдать за тем, как я собираю вещи. И чего не уходит?

Впрочем, он вроде отвлекся на дочь, разговаривает с ней. Ну какая она у меня умничка!

Я от всей души про себя благодарю чересчур активную Лику за своевременную помощь.

Слава богу, моя тайна не раскрыта, иначе Герман мне бы так просто это не оставил. Наверняка запер бы дома или что похуже, чтобы наказать посильнее.

Обещаю себе впредь быть еще осторожнее. Это ж надо было почти проколоться на пустом месте!

Однако в следующее мгновение до меня кое-что доходит:

новости так-то две. Хорошая: да, мне невероятно повезло — Герман не увидел визитку. Скверная: теперь и у меня нет номера адвоката. Сильно сомневаюсь, что мне удастся разобраться на визитке хоть что-то после того, как несчастный прямоугольник пожевала дочь, а потом по нему потопталась и я.

О-о-о... Губы изгибаются в горькой усмешке.

Блин, как же зовут адвоката? Имя-то я помню. Дамир. А фамилия? Я задумчиво хмурю брови, машинально продолжая собирать с пола вещи. Вылетело из головы, и все тут.

Ладно, попробую вспомнить, когда успокоюсь. Сейчас точно ничего не выйдет — слишком нервничаю.

Подмечаю закатившееся в угол яблоко, тянусь за ним и тут слышу за спиной голос Германа:

— Маша?

Я хватаю яблоко, выпрямляюсь, разворачиваюсь к мужу и округляю глаза, когда понимаю, откуда эти странные нотки в его голосе.

Герман одной рукой держит Лику, а во второй у него — тест на беременность.

Мне даже не нужно объяснять мужу, что это тест, он и так это прекрасно знает — я показывала ему две полоски на таком же, когда узнала, что жду ребенка.

— Зачем тебе тест? — машет он им в воздухе перед моим лицом. — У тебя что, задержка?

Глава 11. Вопрос на засыпку

Маша

Я мрачно перевожу взгляд с теста на беременность на мужа и обратно.

Задержка?

У меня ее нет. Зато...

Я бледнею, а сердце совершает кульбит и летит в пятки.

— Нет у меня никакой задержки, — хмыкаю. — Тест...

Договариваю про себя: «Вообще не мой».

Я покупала несколько штук на прошлой неделе для Алены. Буквально за час до того, как должна была приехать к ней в гости, она позвонила, взбудораженная донельзя, и попросила приобрести тесты в аптеке.

Я ж и купила — без всякой задней мысли. Подруга сразу помчалась в ванную, однако вышла оттуда, поджав губы.

— Чет они по ходу бракованные, — расстроено протянула она.

И точно, на одном вообще ни одной полоски, на втором одна — прерывистая, третий тест и вовсе показал положительный результат.

— А может, еще слишком рано их делать. Пойду лучше сдать ХГЧ чуть позже, — рассудила Алена, и я с ней согласилась. — Хорошо, что Артуру ничего не сказала заранее.

— Он как вообще насчет этого? Вы вроде так недолго

встречаетесь. Вдруг скажет, что рано? — засомневалась я.

— Не, — счастливо улыбнулась Алена, — он будет только за. Очень хочет детей. Трех, представляешь?

Тогда я порадовалась за подругу, а последний тест так и остался лежать в моей бездонной сумке. Я о нем попросту забыла.

В груди образуется огромная черная дыра, и меня начинает в нее затягивать. Я пошатываюсь, вынужденно цепляясь пальцами за комод.

Это что же выходит? Я, как последняя идиотка, покупала тесты для подруги, которая... может быть беременна от моего мужа? А еще конец той недели — как раз тот срок, когда она хотела идти сдавать анализы. Может, и сдала. Вот только мне уже не сказала — не до того было во время нашей последней встречи.

И теперь я не знаю, беременна она или нет.

Интересно, как бы она мне сообщила? «Маш, тут такое дело: я жду ребенка... от Геры». Или как?

В памяти в очередной раз всплывают слова мужа: «Алена начала качать права».

Что, если она начала их качать как раз потому, что узнала про беременность?

Блин, как бы выяснить правду?

Я рьяно мотаю головой, круглыми глазами пялясь на Германа и прикрывая рот рукой.

— Маш, что с тобой? — встревоженно вглядывается в ме-

ня муж. — Ты чего так побледнела?

Побледнеешь тут...

— Может, все-таки беременна? — продолжает Герман и расплывается в улыбке. — Почему молчала? Это же отличные новости!

Выглядит при этом так, будто действительно очень рад. Еще чуть, и засияет, как новогодняя елка.

Я смотрю на него и диву даюсь. У меня в голове не укладывается, как можно менять любовниц одну за другой, попасться меньше недели назад, а теперь бурно радоваться, что жена беременна, хотя мы еще даже не помирились? И уже не помиримся, конечно, но ему об этом знать не надо.

— Да не беременна я! — рявкаю резче, чем хотела.

— Зачем тогда тест? — хмурится муж.

— Я...

Черт. Безумно хочется высказать ему в лицо все, что накипело. Но я не стану подкладывать себе самой такую свинью. Сочиняю на ходу:

— Я купила несколько штук в прошлом цикле, когда была задержка в пару дней.

— Понятно, — тянет муж, вздыхая.

Расстроился, что ли?

Гера кладет тест на стол, перехватывает Лику в другую руку.

— Маш, раз уж зашел разговор, давай сделаем Лике братика или сестричку, а?

Я машинально делаю шаг назад. Слова мужа отдаются в голове эхом.

Братика или сестричку? Еще совсем недавно я была не против. Хотела только подождать еще с годик, когда наша суперактивная Лика подрастет и перестанет требовать так много внимания.

Хотела родить второго ребенка, а потом повторить. Потому что Герман давным-давно мне сказал, что хочет троих детей.

«Бум. Бум. Бум» — оглушительно стучит пульс в висках. Троих! Герман хочет троих, совсем как... Аленин Артур. Я мучительно стону про себя, прикрывая веки. Слишком много совпадений. И если до этого я где-то глубоко-глубоко внутри еще лелеяла надежду, что Алена меня не предавала, то теперь эта надежда окончательно растаяла.

— Что ты думаешь по этому поводу? — снова улыбается муж.

В этот момент я еле себя сдерживаю, так хочется выцарапать ему глаза. Стоит, скотина, смотрит на меня так чисто и преданно!

Прям как моряк — в каждом порту по семье и ребенку. Только Гера пошел дальше, даже из города не уезжал.

— Так что скажешь? — повторяет муж вопрос, так и не дождавшись моего ответа.

— А что, твоя Алена не хочет тебе рожать? — все-таки не сдерживаюсь я, шиплю змеей.

— Не начинай! — осаждают меня Герман, мгновенно мрачнеет. — Мы это обсуждали, я ведь уже четко сказал, у меня с ней все кончено. — Угрюмо добавляет, покосившись на Лику: — И вообще, давай не при ребенке.

Ох как удобно — прикрываться дочерью. Вот только Герман не думал ни обо мне, ни о Лике, кувыркаясь с очередной любовницей.

И да, конечно, он это со мной обсуждал. Ну, как обсуждал. Проникновенно глядя в глаза, с придыханием вещал, как все осознал. Как раскаивается и больше со мной никогда так не поступит. Семья ему, видите ли, важнее всего на свете. И так далее и тому подобное.

Вот только люди не меняются так быстро. И вообще не меняются, если сами не хотят. А в то, что Германа вдруг ни с того ни с сего пронзило в самое сердце желание остепениться и отказаться от своих походов, я ни за что не поверю. Вся его речь сквозила фальшью и пафосом.

Он несколько раз заводил одну и ту же шарманку, и я ровно столько же раз искусно притворялась, что его раскаяние меня трогает. Но не настолько, чтобы все стало как прежде. Сказала, что не собираюсь пока с ним спать в одной постели. Мне нужно прийти в себя, начать снова ему доверять. Как ни странно, Герман согласился и с момента нашей ссоры ночует в гостевой спальне.

Вот только долго ли продлится это счастье? Не исключено, что в один из дней ему надоест, и он заявит, что не соби-

рается больше спать отдельно. Может, он сейчас так жирно намекает именно на это?

Я округляю глаза. Да ну, муж ведь должен понимать, что даже реши я и правда его простить, несколько дней — слишком маленький срок.

Надо как-то закрепить свою позицию. И кажется, я знаю как.

— Ладно, ты прав, это разговор не для детских ушей. Но ты ведь не хуже меня знаешь, откуда они берутся, — хмыкаю я.

— Кто они?

— Дети.

— При чем тут это? — хмурится муж.

— При том, — припечатываю я. — Гер, ну какие дети, если я не готова тебя пускать в свою постель! Мне еще слишком больно, ты разве не понимаешь? Дай мне время.

— И сколько мне еще ждать? — недовольно хмыкает Герман.

Внутри все стягивает. Ему, похоже, и правда невдомек, как я себя чувствую. Хотя измени я ему, а не он мне, уверена, запел бы совсем по-другому. Уже бы наверняка выпер из дома взашей.

— Ты сказал, что готов ждать сколько надо, — нарочито громко всхлипываю я. — Уже передумал? Тебе совсем не важно, каково мне, да?

— Ну что ты, Маш, — шустро меняет гнев на милость

муж. — Очень важно. Я не тороплю. Извини и спасибо, что дала мне шанс. Я правда очень это ценю.

Ну да, ну да. Наша сказка хороша, начинай сначала. Но главное другое — сработало.

— Спасибо, — бормочу я. — Ладно, пойдем ужинать.

Пока Герман усаживает дочь в детское кресло, я накрываю на стол. Вот только настроения разговаривать у меня совсем нет. В столовой царит мрачная тишина, которую прерывает только дочь, уминая свою излюбленную гречку с мясом.

И тут Герман будто между делом говорит:

— Может, нам сходить к семейному психологу?

Я едва не давлюсь салатом.

Вот это заявление. К нему надо было идти до измен. Или вообще до брака.

А теперь у меня к психологу будет лишь один запрос: как вернуть мужа в семью. Семью, в которой он вырос. Спокойно, без истерик и тщетных попыток меня удержать.

— Я не готова нести грязное белье на люди, — отрезаю. — Разберемся сами.

— Как хочешь, — пожимает плечами муж. — Я просто предложил.

Предложил он. Сдается мне, его кто-то надоумил. Вопрос, кто именно. Обычно мужчины — редкие гости у психологов, считают, что в состоянии справиться со своими проблемами сами.

Герман и дальше пытается разрядить обстановку, что-то

рассказывает, но я лишь невпопад киваю, погруженная в свои мысли.

Слава богу, после ужина муж оставляет меня с дочерью, а сам уходит в кабинет.

Уже поздно вечером, за полчаса до того, как я собираюсь укладывать Лику спать, заглядывает в зал, смотрит, как я с ней играю, и заявляет:

— Маш, ты какая-то бледная, аж серая. И мешки под глазами...

Вот судак! Ага, давай еще опять назови меня пугалом, как несколько дней назад.

Я так скриплю зубами от злости и сжимаю руки, что резиновый пупс, которого держу, жалобно пищит. А я живо представляю, что это и не пупс вовсе, а Гера. Придушила бы его сейчас собственными руками! И то верно, с чего же не ходить бледной заплаканной тенью? Подумаешь, всего-то изменил любимый муж, а счастливая семейная жизнь оказалась воздушным замком.

Впрочем, Герман, сам того не ведая, подкидывает мне отличную идею — как смыться из дома завтра.

Поэтому в ответ я лишь поджимаю губы и бросаю:

— Просто устала.

А утром, когда муж собирается на работу, заявляю:

— Вызову сегодня няню для дочери.

— Зачем? — непонимающе хмурится Гера.

— Поеду в салон красоты. Ты же сам вчера сказал, что я некрасивая.

— Я такого не го...

— Тебе не угодить, Гера! — обвинительно обрываю его я, скрещая руки на груди. — Я для тебя стараюсь, а тебе все не так! Ты меня совсем не любишь, да?

— Все так, милая, ты чего? Люблю, конечно. Съезди в салон, я ж не против.

— Денег перевести не забудь.

— Считай, уже сделано.

И я выдыхаю, мысленно потирая ладони. Вот и славненько.

Разумеется, ни в какой салон я не собираюсь. Меня ждут более важные дела: встреча с детективом. И адвокатом. Сегодня ночью я опять крутилась без сна и наконец-то вспомнила его фамилию: Бероев. Правда, не решилась искать информацию о нем со своего телефона. Лучше подожду до завтра и найду его номер с сотового, который мне купит детектив.

— Хорошего дня, — наконец закрываю дверь за мужем и улыбаюсь, злобно прищуриваясь.

Ну что, мой немилый муж, готовься. Тебя ждет бо-о-ольшой сюрприз от глупой и не идеально выглядящей жены. Представляю, как перекосит лицо Германа, когда он получит повестку в суд на развод. Бесценное выйдет зрелище. Жаль, меня в его доме в это время уже не будет.

Глава 12. Как его зовут?

Маша

Я сижу на лавочке недалеко от салона красоты и нетерпеливо поглядываю на часы.

С минуты на минуту должен появиться Станислав Андреевич — с новым телефоном и симкой. Может, и с новостями.

Мысленно вспоминаю вчерашний день. До сих пор нервная трясучка, как вспомню разговор с мужем. И жена-то ему не такая, но второго ребенка от нее подавай. Л — логика.

О, вот и детектив.

Станислав Андреевич присаживается на другой конец лавочки, ставит рядом крафтовый пакет.

— Вчера Герман из офиса сразу отправился домой, — докладывает детектив, — нигде не задерживался. Сегодня утром тоже поехал прямиком на работу. На текущий момент это все.

Я скорбно поджимаю губы. Впрочем, было бы странно ожидать, что детектив узнает что-то всего за сутки.

— Я могу чем-то вам помочь со своей стороны? — интересуюсь.

Станислав Андреевич задумывается.

— Можете поискать второй телефон Германа. Если найдете, сделайте фото переписок на тот мобильный, что я вам принес. Лишним не будет.

— Ума не приложу, — вздыхаю я, — где его искать. Наверняка он держит его в офисе, чтобы я не нашла.

— Такие телефоны часто хранят в машине, — сообщает детектив. — Например, под водительским сиденьем.

— Хорошо, поищу.

Хоть бы найти! Уверена, если все-таки это сделаю, меня ждет много открытий. И все неприятные. Хотя куда уж неприятнее, чем есть...

Станислав Андреевич встает с места и уходит.

Я тянусь за пакетом, что он оставил для меня, достаю содержимое.

Слава богу, детектив купил не кнопочный телефон. Я сразу включаю мобильный интернет, лезу в поисковик и ищу информацию о Дамире Бероеве. А когда нахожу, от удивления приоткрываю рот.

Он, оказывается, известная личность. Один из лучших в своем деле, на его счету много очень крупных выигранных дел. Плюс его компания и он сам представляет интересы «Бастиона» — огромного холдинга, известного по всей стране. Это хорошо. Такой холдинг не доверил бы ведение своих дел кому попало.

Хотя это как плюс, так и минус. Как бы мне при наверняка плотном графике Бероева не пришлось ждать встречи неделями.

А еще, боюсь, услуги адвоката такого уровня будут стоить занебесных денег. В общем, столько, сколько я не смогу себе

позволить. Впрочем, даже если он не возьмется за мое дело сам, может, посоветует другого толкового адвоката из своей конторы.

Я набираю номер его офиса, скрещивая пальцы на удачу. Объясняю секретарю, кто я, прошу соединить с Бероевым. Жутко волнуюсь: вдруг не поймет? Он же оставлял свой со-товый, а я звоню на рабочий. Однако Дамир явно догадывается, какая именно Маша хочет его слышать, отвечает и говорит, что сможет встретиться уже сегодня. Через час.

Ура! Я бросаю мерс у салона красоты, предусмотрительно оставляя там же и свой телефон, а сама ловлю такси и еду в офис Бероева.

За пять минут до назначенного времени вхожу внутрь шестизэтажного здания с фасадами из стекла, поднимаюсь на лифте на последний этаж и иду в приемную Дамира. Улыбчивая шатенка-секретарь провожает меня в его кабинет.

Сразу видно, что это кабинет мужчины. Успешного и современного. Я почему-то ожидала увидеть мрачноватую обстановку, тяжелую мебель в темных тонах, шкафы с увесистыми талмудами, письменный стол из красного дерева и кожаное громоздкое кресло.

Однако все ровно наоборот. Пространство в светло-бежевых тонах залито естественным светом из панорамных окон. По бокам стильные стеллажи для хранения документов. В центре — рабочий стол из светлого дерева, на котором стоит большой монитор. И кресло Дамира — современное, эр-

гономичное. По бокам у окон в кадках растения с сочными зелеными листьями. В общем, функционально, стильно и сдержанно.

— Присаживайтесь, Мария, — кивает на кресло напротив своего стола Дамир.

Он в белоснежной рубашке, подчеркивающей мускулистое тело и накачанные руки. Темно-синий пиджак висит на спинке кресла. На лице легкая щетина, которая невероятно ему идет. Я как-то сразу понимаю, почему в статьях в инете его называют завидным холостяком.

Сегодня его голос звучит по-другому, обволакивает. И взгляд уже не такой злой. Однако все такой же цепкий.

— Что у вас случилось? Зачем вам адвокат? — внимательно смотрит на меня он, когда я присаживаюсь. — И кто был за рулем вашей машины?

Ого, как быстро перешел к делу. Оно и к лучшему, мне тоже не до светских бесед: времени у меня на все про все не так много.

— За рулем был мой муж. Кстати, а почему вы решили, что там была я? По-моему, несложно отличить девушку от мужчины.

— Муж, значит, — хмыкает Дамир. — Мария, ваш муж слишком неожиданно меня подрезал, и мне было не до разглядывания водителя, я едва успел среагировать. Со мной ехал помощник, он-то и запомнил номер, но рассмотреть, кто там был за рулем, уже не успел.

— Понятно, — сглатываю возникший в горле ком, нервно сжимаю руками сумочку. — А насчет адвоката... Он мне нужен, потому что я хочу развестись. Вот только муж против.

— Хм. — Дамир всматривается в меня еще пристальнее. Хмурится. — Как я понял, у вас маленький ребенок. Значит, дело серьезное, так?

— Вы все верно понимаете. И дело серьезное, и муж — человек серьезный и очень богатый. Поэтому мне и нужен хороший адвокат. Очень хороший. Если вы не захотите связываться, пойму. К тому же я даже не уверена, что могу себе позволить ваши услуги, — вздыхаю я, решая быть честной до конца. — Если откажетесь, может, посоветуете другого толкового адвоката?

— О как. Давайте не будем торопиться. Для начала скажите, как зовут этого серьезного человека?

— Герман. Герман Арбатов.

Стоит мне назвать фамилию мужа, как лицо Дамира удивленно вытягивается.

Он что, его знает?

Глава 13. Поможет или нет?

Маша

— Арбатов, значит? — хмыкает Дамир, складывает пальцы в замок.

— Да, — киваю несмело. — Владелец компании «Аркон». Бероев окидывает меня пронзительным, но нечитаемым взглядом, от которого по коже бегут мурашки.

Почему он так смотрит?

Меня берет оторопь, а затем резко кидает в жар от внезапной догадки. Что, если он с ним общался или... общается до сих пор? Может, у них какие-то совместные дела? Вполне возможно. Тогда Бероев мало того, что не поможет мне, так еще и сдаст мужу. Расскажет, зачем я приходила.

О-о-о...

— Вы его знаете? — мрачнею.

— Знаю, — едко усмехается Бероев.

— Работаете вместе? — спрашиваю глухо, неестественно выпрямляя спину.

— Нет, Мария. Скажем так, у нас разные подходы к бизнесу и ведению дел.

Громкий вздох облегчения вырывается из моей груди, и я ляпаю:

— Слава богу...

— Вы всегда такая искренняя и прямая? — Дамир вроде

и серьезен, но я вижу, что в его глазах пляшут смешинки.

Я чувствую, как лицо заливает краска смущения, и отвожу взгляд.

Смешно ему, блин. Отреагируешь тут эмоционально, когда каждый шаг приходится высчитывать, как саперу, и только что я вполне могла нарваться на мину.

— Если бы вы работали вместе, — развожу руками, — могли бы сдать меня мужу. Поверьте, это последнее, что мне нужно.

— Верю. Можете не волноваться: я вас не сдам. Все, что мы обсуждаем, останется между нами.

— Спасибо. Могу я поинтересоваться, откуда вы его знаете?

Дамир молчит несколько секунд, как будто решает, говорить или нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.